КП
130
Е-57
L

Ельницкий

Первые шаги
раб. движения

б/г.

КП
130
Е57

ТЕМЫ ЖИЗНИ

№ 9.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

А. ЕЛЬНИЦКІЙ.

Первые шаги рабочаго движенія въ Россіи.

Борьба крѣпостныхъ рабочихъ.
Развитіе капитализма.
Кризисъ 70-хъ годовъ.
Южно-Русскій Рабочій Союзъ.
Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ.
Степанъ Халтуринъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО О. Н. ПОПОВОЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., 54

Книгоиздательство и складъ изданій

О. Н. Поповой

Спб., Невскій, 54.

„Темы Жизни“ выходятъ подъ общей редакціей **Л. Клейнборта.**

Изданію будетъ дана самая широкая постановка. Въ него войдутъ листки, брошюры, сборники и пр. Преимущественное вниманіе обращено на оригинальныя произведенія.

Въ ближайшую очередь намѣчены къ выпуску произведенія слѣдующихъ лицъ:

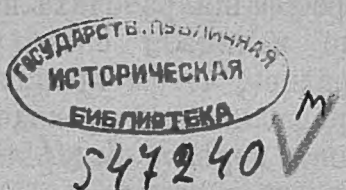
Г. Алексинскаго, В. П. Акимова, Н. П. Ашешова, В. Базарова, В. В. Беренштама П. Берлина, М. В. Бернацкаго, Б. Б. Веселовскаго, Б. А. Витмера, Г. А. Гросмана, І. Гольденберга, А. Е. Ельницкаго, І. А. Давыдова, П. И. Звѣздича, Б. Кричевскаго, Н. И. Коробка, [illegible], А. М. Коллонтай, А. В. Луначарскаго, А. Е. Лосицкаго, І. Э. Ларскаго, В. Львова, Л. Клейнборта, П. П. Маслова, П. Нежданова, М. П. Невѣдомскаго, В. Ольховскаго, П. П. Румянцева, В. Ѳ. Тотоміанца, А. Ю. Финна, А. А. Яблоновскаго и мн. др.

Гг. авторовъ просятъ присылать свои рукописи по слѣд. адресу: Книгоиздательство О. Н. Поповой, Спб., Невскій, 54. Редакція ежен. изд. „Темы Жизни“.

Редакторъ принимаетъ по средамъ отъ 1 часу до 3 час.

Выписывающіе изданія О. Н. ПОПОВОЙ изъ склада на сумму не менѣе одного рубля за пересылку не платятъ. Полный каталогъ изданій О. Н. ПОПОВОЙ высылается по требованію безплатно. Земствамъ, школамъ и библіотекамъ уступка.

КП
130
Е57



547240 V

Первые шаги рабочаго движенія въ Россіи.

I.

Борьба крѣпостныхъ рабочихъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ появились на Руси фабрики и заводы, началась и борьба рабочихъ съ капиталистами-хозяевами. Въ то время въ Россіи существовало еще крѣпостное право; большая часть фабрикъ принадлежала дворянамъ-помѣщикамъ, которые заставляли работать на себя либо своихъ кабальныхъ (крѣпостныхъ) рабочихъ, либо нанимали чужихъ крѣпостныхъ, отпущенныхъ на оброкъ. Эта же система примѣнялась и на заводахъ, принадлежавшихъ правительству: обыкновенно къ заводу приписывалось нѣсколько деревень, жители которыхъ обязывались отрабатывать на заводѣ причитающіяся съ нихъ подати.

Работа на этихъ фабрикахъ и заводахъ производилась изъ-подъ палки; условія труда были тяжелы и постоянно вызывали протесты рабочихъ; послѣдніе устраивали стачки и безпорядки, добиваясь сокращенія непомѣрно-длиннаго рабочаго дня, повышенія заработной платы, отмѣны расплаты товарами и всѣхъ прочихъ пріемовъ эксплоатаціи, къ которымъ не стѣснялись прибѣгать русскіе фабриканты-дворяне и фабрикантъ-правительство, какъ не стѣсняется прибѣгать къ нимъ и современный капиталистъ, разъ дѣло касается «священной» прибыли.

Нерѣдко при этомъ рабочіе требовали отъ правительства также и освобожденія отъ крѣпостного гнета.

Эта борьба рабочихъ обыкновенно отличалась изумительнымъ упорствомъ: на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ она

тянулась десятками лѣтъ, иногда до 30—50 лѣтъ, пока, наконецъ, справедливыя требованія рабочихъ не удовлетворялись.

Рабочіе обыкновенно начинали свою борьбу съ подачи прошенія, причемъ старались, чтобы прошеніе достигло непосредственно царя,—отправляли къ нему ходоковъ; когда же это средство не помогало, они нерѣдко подкрѣпляли свои прошенія массовымъ отказомъ отъ работы.

На помощь фабрикантамъ-дворянамъ спѣшили придти правительственныя власти, которыя стремились розгами, плетьми, ссылкой въ Сибирь и рекрутчиной возстановить нарушенное рабочими право капиталистовъ ихъ эксплоатировать. Не менѣе же энергично дѣйствовало правительство въ тѣхъ случаяхъ, когда волненія происходили на его собственныхъ заводахъ.

Но репрессіи властей не всегда достигали желательныхъ результатовъ: этимъ репрессіямъ рабочіе очень часто противопоставляли свою непоколебимую солидарность и героическую самоотверженность. Ихъ ходоки шли въ Сибирь, умирали подъ плетью, но не выдавали участниковъ и составителей прошеній.

Лѣтъ полтораста тому назадъ серьезныя волненія происходили среди приписанныхъ къ Олонецкимъ казеннымъ заводамъ. Вотъ каковы были условія работы на этихъ заводахъ: рабочіе должны были отрабатывать на нихъ всего по 1 р. 70 к. съ души, но при этомъ правительство назначило заработную плату въ нѣсколько разъ низшую, чѣмъ можно было получить по вольному найму. Рабочимъ платили на этихъ заводахъ всего по 4—5 коп. въ день, да притомъ еще попечительное заводское начальство допекало своими мудрыми правилами: по своему усмотрѣнію штрафовало за лѣнь, а за прогулъ одного дня вычитало за цѣлую недѣлю работы. Немудрено поэтому, что рабочимъ долго-таки приходилось отрабатывать эти несчастные 1 р. 70 коп. А когда, въ 1761 г., вышелъ новый указъ, которымъ на нихъ набавлялся новый рублевый налогъ, чаша терпѣнія ихъ окончательно переполнилась. Работы были пріостановлены, а къ императрицѣ Екатеринѣ II были посланы ходоки во главѣ съ выдвинувшимся агитаторомъ Емельяномъ Каллистратовымъ. Своихъ ходоковъ рабочіе обнадежили обѣщаніемъ не оставить ихъ въ трудную минуту и свое обѣщаніе подкрѣпили общей присягой.

Власти поспѣшили арестовать наиболѣе видныхъ изъ рабочихъ, но тѣ держались стойко и никого не выдавали.

«Я всэ сношу на себя,—писалъ одинъ изъ арестован-

ныхъ своимъ товарищамъ на волѣ,—а на другихъ ничего не показываю. За весь міръ принимаю нужду къ лучшему».

Въ 1771 г. рабочіе снова посылаютъ въ Петербургъ своихъ челобитчиковъ — Клима Соболева и Анцифера Трофимова, которымъ и удалось вручить челобитную самой императрицѣ; однако проку изъ этого вышло немного. Самихъ челобитчиковъ правительство арестовываетъ, и только одному изъ нихъ, Соболеву, удается бѣжать изъ-подъ ареста. Онъ объѣзжаетъ всѣ селенія, всюду ведетъ дѣятельную агитацію, убѣждая товарищей твердо стоять на своемъ. Во время этихъ объѣздовъ его снова арестовываютъ, но тутъ на помощь ему приходятъ окрестные жители. Въ лицѣ Соболева власти арестовали «лучшаго и надобнаго имъ человѣка», который крѣпко стоялъ за міръ; и вотъ окрестные рабочіе, вооружившись дубьемъ и рогатинами, рѣшили его отбить; они разогнали часовыхъ, разломали ихъ ружья, а самого начальника стражи, арестовавшаго Соболева, избили до полусмерти.

«Хотя-бъ и самъ генералъ пріѣхалъ къ намъ въ гости то-бъ и ему то-жъ было!»—кричали при этомъ нѣкоторые.

Освободивши Соболева, рабочіе выставили на границѣ своихъ селеній стражу, по дорогамъ поставили заставы и стали ждать, что будетъ дальше.

Посылать новыхъ челобитчиковъ они уже не рѣшались, извѣдавъ на опытѣ, что ожидаетъ послѣднихъ; только одно селеніе послало въ слѣдственную комиссію, разбиравшую ихъ дѣло, безрукаго односельчанина Василія Хибарова, въ надеждѣ, что его-то ужъ никакъ не смогутъ обвинить въ составленіи ихъ жалобъ.

Правительство не замедлило, конечно, послать усмирителей: сперва было послано 100 чел. псковскаго пѣхотнаго полка подъ начальствомъ Ламздорфа, а когда этихъ силъ оказалось мало, были посланы еще двѣ роты гренадеръ и мушкатеръ подъ начальствомъ Урусова [1]).

Волненія были подавлены, и рабочихъ ожидала жестокая расправа. По приговору сената трое рабочихъ—Соболевъ, Костинъ и Сальниковъ—были приговорены къ 100 ударамъ кну-

---

1) Какъ видитъ читатель, это все знакомыя имена; потомки первыхъ усмирителей рабочихъ оказались вполнѣ достойными преемниками печальной славы своихъ прародителей; за ихъ спиной стоитъ полуторавѣковой опытъ угнетенія рабочаго класса.

та; имъ вырѣзали ноздри, раскаленнымъ желѣзомъ поставили клейма: на лбу выжгли букву В, на правой щекѣ—О и на лѣвой—З, что должно было означать *возмутитель*, и сослали безсрочно на Нерчинскіе заводы. 4-хъ рабочихъ, и въ томъ числѣ Емельяна Каллистратова, сослали въ сибирскіе гарнизоны на вѣчную солдатчину, 2-хъ—на вѣчное поселеніе въ Сибирь и 60 человѣкъ наказали плетьми и отдали въ солдаты.

Такъ жестоко отплатило правительство рабочимъ, протестовавшимъ противъ непосильнаго гнета и кабалы.

Еще болѣе часты были волненія на фабрикахъ и заводахъ частновладѣльческихъ; намъ извѣстны стачки рабочихъ въ губерніяхъ: Московской, Казанской, Ярославской, Владимірской и Тульской, гдѣ какъ разъ было много фабрикъ.

Въ Московской губерніи волненія рабочихъ были въ слѣдующіе годы: въ 1797, 1806, 1823, 1834, 1844. Особымъ упорствомъ въ борьбѣ за свои интересы отличались рабочіе Фряновской шелковой фабрики (въ Богородскомъ уѣздѣ). Еще въ 1800 году они подали жалобу на своего фабриканта императору Павлу, а сами въ ожиданіи отвѣта прекратили работу. За такое «непристойство» зачинщики безпорядковъ были примѣрно наказаны плетьми, но упорство рабочихъ этимъ сломить не удалось, и они продолжали стоять на своемъ. Даже мѣстныя власти должны были признать, что «фряновскіе мастеровые, закоснѣвъ въ буйствахъ, къ повиновенію впредь владѣльцу признаются безнадежными». И, дѣйствительно, рабочіе продолжали въ теченіе 30 лѣтъ вести упорную борьбу, пока, наконецъ, въ концѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія не были удовлетворены почти всѣ ихъ требованія, въ томъ числѣ и свободный выборъ старостъ.

Въ Казанской губерніи волненія рабочихъ суконной фабрики Осокина происходили послѣдовательно въ 1796, 1800, 1817, 1819, 1834, 1836 гг. и только въ 1849 г. казанскіе рабочіе добились свободы, за которую они такъ отчаянно боролись. Жалоба, посланная ими еще императору Павлу, привела лишь къ обратнымъ результатамъ: правительство потребовало отъ нихъ подписи въ повиновеніи хозяину, а въ противномъ случаѣ угрожало ссылкой въ Сибирь. Рабочіе, однако, не только не дали требуемой подписки, но и воспрепятствовали ввести на фабрикѣ наравнѣ съ мужскимъ и женскій трудъ. Въ 1817 г. они снова отправили своихъ ходоковъ въ Петербургъ, но послѣдніе были по дорогѣ арестованы и въ

кандалахъ отправлены обратно въ Казань. По дорогѣ одинъ изъ нихъ, рабочій Ефремовъ, не могъ снести всѣхъ мученій и умеръ, а другой —Соколовъ—былъ заключенъ въ тюрьму. Въ 1819 г. они снова подаютъ жалобу и на этотъ разъ, для подкрѣпленія ея, устраиваютъ стачку, отказываясь выполнять объявленный имъ сенатскій указъ.

Власти со своей стороны обрушиваются на рабочихъ репрессіями: зачинщики высылаются въ Сибирь на иркутскую фабрику, а всѣ прочіе подвергаются полицейскимъ наказаніямъ; но рабочіе не унимаются и заключаютъ между собой «тайное письменное соглашеніе» — ни въ коемъ случаѣ не уступать требованіямъ начальства.

Въ 1824 г. рабочихъ ожидали новыя жестокости: десять изъ нихъ были приговорены къ наказанію плетьми, а одинъ, на глазахъ собственнаго сына, былъ засѣченъ до смерти. Однако, несмотря на эти истязанія, никто изъ нихъ не выдалъ своихъ товарищей. Такая борьба продолжалась въ теченіе пятидесяти лѣтъ, пока, наконецъ, упорство рабочихъ не одержало верхъ надъ жестокостью властей.

Въ Ярославлѣ стачки и волненія рабочихъ происходили въ 1806, 1815, 1817, 1818 и 1823 гг.; въ Воронежской губерніи въ 1821 и въ 1851 гг.; въ Калужской — въ 1814 и въ 1821 гг.; во Владимірской—въ 1823 г.; въ Тульской— въ 1837 году.

Характеръ рабочихъ волненій почти всюду одинъ и тотъ же: рабочіе подаютъ жалобы и устраиваютъ стачки; власти отвѣчаютъ плетьми и Сибирью, и только непоколебимая солидарность и самоотверженность рабочихъ обезпечиваютъ имъ болѣе или менѣе полную побѣду. Иногда этотъ героизмъ борьбы рабочихъ передавался и ихъ палачамъ. Такъ было, напримѣръ, въ Богородскомъ уѣздѣ въ 1834 году. Рабочіе забастовали, выставивъ требованіе повышенія заработной платы и отстояли отъ полиціи своихъ вожаковъ, которыхъ та хотѣла арестовать. Тогда явились войска, и началась обычная въ такихъ случаяхъ порка. «Когда троихъ наказали, а потомъ хотѣли наказывать еще двоихъ, то заплечный мастеръ, видя, что всѣ понятые и собравшійся народъ единогласно кричали, что напрасно кровь проливаютъ, и къ тому же указъ не читали, бросилъ плети и не сталъ наказывать, и прямо сказалъ капитанъ-исправнику: «самъ наказывай!» а солдаты также преклонили ружья; а ка-

питанъ - исправникъ приказалъ наказывать сотскому сторонней деревни» [1]).

Такъ боролись по всей Россіи рабочіе, закабаленные экономически и порабощенные, какъ крѣпостные. Сугубый гнетъ родилъ въ нихъ могучее чувство протеста и толкалъ на борьбу; совмѣстная работа сотенъ рабочихъ, поставленныхъ въ одинаково безотрадныя условія существованія, будила въ нихъ чувство товарищества, стремленіе дѣйствовать сообща и по мѣрѣ силъ служить общему дѣлу. У отдѣльныхъ рабочихъ, наиболѣе чуткихъ и преданныхъ общему дѣлу, эти стремленія проявлялись наиболѣе ярко и выпукло, заставляя ихъ отрѣшаться отъ собственной личности и отдавать себя цѣликомъ дѣлу борьбы.

Но въ общемъ мысль крѣпостного рабочаго не могла подняться достаточно высоко надъ поверхностью тогдашней жизни, чтобы, съ высоты окинувъ взоромъ все свое подневольное положеніе, придти къ ясному сознанію своихъ классовыхъ интересовъ. Этому мѣшала прежде всего неразвитость самой фабрично-заводской промышленности. Капитализмъ къ этому времени еще не успѣлъ выдѣлить рабочихъ въ самостоятельный классъ; для своихъ потребностей онъ вынужденъ былъ пользоваться эксплоатаціей силъ того же самаго крѣпостного, который кормилъ и крѣпостника-барина, и просвѣщеннаго бюрократа и на своихъ плечахъ выносилъ весь гнетъ тогдашняго государства. Капиталистъ-фабрикантъ въ представленіи рабочихъ сливался со всей остальной массой привилегированныхъ классовъ, которые, живя на счетъ трудового народа, въ то же время являлись и его «попечительными» опекунами, такъ что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ трудно было разобраться, гдѣ кончается «опека» и начинается голая эксплоатація. Все это способствовало извѣстной патріархальности въ отношеніяхъ фабриканта къ рабочимъ и мѣшало послѣднимъ сознать самихъ себя и обобщить отдѣльные случаи гнета и кабалы до положенія всего рабочаго класса, а отдѣльные эпизоды борьбы превратить въ классовую борьбу пролетаріата.

На этой ступени борьбы рабочихъ мы встрѣчаемъ только зародыши классовыхъ инстинктовъ, но уже и здѣсь можно замѣтить первые проблески могучей классовой психологіи, формируетъ и вырабатываетъ которую въ рабочихъ сама

---

[1]) В. А. Поссе, «Теорія и практика пролет. соціализма», стр. 325.

жизнь и, главнымъ образомъ, упорная борьба съ капиталистами. Этимъ же путемъ шелъ когда-то въ своей борьбѣ и рабочій классъ Западной Европы, и, подобно тому, какъ эта борьба изъ-за отдѣльныхъ условій капиталистическаго гнета привела его къ сознанію *общихъ* экономическихъ условій, создающихъ нищету рабочихъ, и къ борьбѣ противъ *всего* общественнаго уклада, при которомъ рабочій вынужденъ продавать свою рабочую силу капиталисту, удѣляя ему при этомъ львиную долю своего труда,—подобно этому, и русскій рабочій въ концѣ концовъ неминуемо долженъ былъ придти къ борьбѣ за такой общественный порядокъ, при которомъ его рабочая сила перестала бы быть товаромъ, продаваемымъ на рынкѣ, при которомъ онъ могъ бы располагать всѣми плодами своего труда,— т. е. за соціалистическій строй общества.

Но, пока что, такая разрозненная борьба рабочихъ-крѣпостныхъ по отдѣльнымъ фабрикамъ приносила имъ мало существенныхъ результатовъ; только въ одномъ отношеніи результаты ея оказались цѣнными для всего рабочаго класса; сливаясь съ разрозненными протестами всего закрѣпощеннаго крестьянства, эта борьба рабочихъ заложила не одинъ новый камень въ дѣло раскрѣпощенія всего народа.

II.

Развитіе капитализма и появленіе современнаго пролетаріата.

Скоро, однако, крѣпостная зависимость была уничтожена, и русская промышленность получила возможность, эксплоатируя отнынѣ свободный трудъ, развиваться гигантскими шагами. Почуявъ богатую добычу, въ Россію нахлынули заграничные капиталы и въ самое короткое время покрыли ее сѣтью желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ.

Народившаяся промышленность концентрировалась главнымъ образомъ въ городахъ, и послѣдніе стали быстро расти, привлекая къ себѣ тысячами рабочихъ, занятыхъ по постройкѣ и на фабрикахъ. Недостатка же въ рабочихъ быть не могло: правительство само позаботилось объ образованіи многочисленнаго пролетаріата, отрѣзавъ у крестьянъ, въ награду за освобожденіе, милліоны десятинъ лучшей земли и принудивъ ихъ

такимъ образомъ жить продажей собственной рабочей силы. Гнетъ помѣщиковъ и кулаковъ и непосильныя подати дѣлали положеніе крестьянина еще болѣе неустойчивымъ, и съ каждымъ годомъ все новыя и новыя тысячи крестьянъ должны были покидать свое хозяйство и въ поискахъ за работой наполняли города. А здѣсь они попадали на огромныя фабрики, гдѣ, вмѣстѣ съ копотью и дымомъ, они вдыхали въ себя и сознаніе своей классовой силы, и подъ стуки молота и грохотъ машинъ въ нихъ начинала выковываться иная психологія и складывались иныя привычки и потребности,—словомъ, здѣсь, въ городѣ, они быстро пріобщались къ пролетаріату, этой грозной силѣ будущаго.

Этому особенно способствовало то, что Россіи почти не пришлось переживать длительный и мучительный періодъ выработки современнаго крупнаго производства, такъ какъ оно явилось къ намъ уже готовымъ. Иностранные капиталисты перенесли къ намъ промышленность въ ея высшей капиталистической формѣ. Огромные фабрики и заводы, снабженные всѣми новѣйшими техническими усовершенствованіями, объединяющіе въ себѣ нерѣдко тысячи рабочихъ, создавали благопріятныя условія и для ихъ товарищескаго соединенія и просвѣтлѣнія ихъ классового самосознанія. Самый трудъ рабочаго на заводѣ и фабрикѣ часто требовалъ, помимо навыка, извѣстной интеллигентности, умѣнья быстро шевелить мозгами, быстро соображать и оріентироваться въ окружающей обстановкѣ. Затѣмъ сама обстановка новой городской жизни должна была дѣйствовать революціонизирующимъ образомъ на сына деревни, возбуждая въ немъ массу запросовъ, давая много новыхъ понятій и разрушая старые предразсудки; у городского рабочаго было гораздо больше, чѣмъ у деревенскаго, импульсовъ, побуждавшихъ его браться за книжку и въ ней искать отвѣта на свои вопросы.

Затѣмъ тутъ же рядомъ съ нимъ, часто въ одной и той же мастерской, работали болѣе опытные иностранные рабочіе и мастера, которые принесли съ собой не одну только техническую ловкость: они вмѣстѣ съ тѣмъ являлись и людьми съ болѣе высокими, чѣмъ у русскихъ рабочихъ, потребностями, людьми съ большею независимостью, съ развитымъ всей предшествовавшей борьбой западно-европейскаго пролетаріата чувствомъ собственнаго достоинства.

На ихъ примѣрѣ и русскій рабочій учился уважать свою

собственную личность и противопоставлять себя и своихъ товарищей, какъ нѣчто цѣлое, своимъ эксплоататорамъ.

Къ серединѣ 70-хъ годовъ русскій фабричный, и въ особенности заводскій рабочій, успѣлъ уже достаточно опредѣлиться. Яснаго классового самосознанія въ немъ, конечно, еще не было, но онъ уже выдѣлялся изъ аморфной народной массы своею смышленостью, бойкостью и болѣе широкимъ кругозоромъ.

Чтобы познакомиться съ запросами и потребностями рабочихъ того времени, мы воспользуемся здѣсь отрывками изъ прекрасныхъ воспоминаній о рабочемъ движеніи Г. В. Плеханова, который самъ принималъ участіе въ ихъ борьбѣ. Мы должны только заранѣе оговориться, что эта характеристика будетъ справедлива лишь по отношенію къ верхушкамъ рабочаго класса, къ его сливкамъ, уже вовлеченнымъ въ сознательное революціонное движеніе; по отношенію же ко всей рабочей массѣ она можетъ быть лишь показателемъ тенденціи, но никакъ не показателемъ ея дѣйствительныхъ запросовъ и ея сознательности. Этого послѣдняго вопроса мы коснемся впослѣдствіи, когда будемъ говорить объ участіи рабочей массы въ непосредственной борьбѣ, а теперь вернемся къ характеристикѣ Г. В. Плеханова.

Вотъ въ какихъ чертахъ онъ описываетъ одного изъ первыхъ своихъ знакомцевъ—рабочаго Г—а.

«Г—ъ былъ оригинальный человѣкъ... Въ немъ не было и слѣда крестьянской непосредственности, крестьянской склонности жить и думать такъ, какъ жили и думали предки. При самыхъ обыкновенныхъ способностяхъ онъ отличался рѣдкой жаждой знанія и поистинѣ удивительной энергіей въ дѣлѣ его пріобрѣтенія... Чѣмъ только не интересовался этотъ человѣкъ, въ дѣтствѣ едва научившійся грамотѣ! Политическая экономія и химія, соціальный вопросъ и теорія Дарвина одинаково привлекали къ себѣ его вниманіе, возбуждали въ немъ одинаковый интересъ, и, казалось, нужны были десятки лѣтъ, чтобы, при его положеніи, хоть немного уголить его умственный голодъ»[1]).

Другой рабочій, Б—нъ, только что выпущенный изъ тюрьмы послѣ двухлѣтняго заключенія, отправился на родину. «Тотчасъ по его приходѣ онъ былъ засаженъ въ «холодную», а затѣмъ «старички» рѣшили «постегать малаго» за недоимки.

---

[1]) Г. В. Плехановъ, «Русскій рабочій въ рев. движеніи», стр. 4.

Ему сообщили объ этомъ рѣшеніи, какъ о чемъ-то весьма обыкновенномъ и совершенно неизбѣжномъ».

— «Да вы съ ума сошли!»—возопилъ Б—нъ.—«Да попробуйте только тронуть меня, я и деревню-то всю сожгу, да и вы то головъ не снесете: самъ пропаду, да ужъ и вы пожалѣете, что связались со мною!»—«Старички» струсили... Я не разъ замѣчалъ,—прибавляетъ при этомъ Г. В. Плехановъ, что на тѣлесное наказаніе рабочіе смотрятъ, какъ на крайнюю степень униженія человѣческаго достоинства Иногда они съ негодованіемъ показывали мнѣ газетныя сообщенія о поркахъ крестьянъ, и я всегда затруднялся рѣшить, что больше возмущаетъ ихъ: свирѣпость истязующихъ или безотвѣтная покорность истязуемыхъ» [1]).

«Въ общемъ вся эта среда (т е. среда наиболѣе сознательныхъ рабочихъ, съ которыми Плеханову пришлось познакомиться на первыхъ порахъ своей дѣятельности),—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—отличалась значительной умственной развитостью и высокимъ уровнемъ своихъ житейскихъ потребностей. Бойкіе и рѣчистые, умѣющіе постоять за себя и критически отнестись къ окружающему, они были г о р о ж а н а м и въ лучшемъ смыслѣ этого слова».

Потребность въ чтеніи также была широко распространена между ними, но читали они не тѣ революціонныя брошюры, которыя были написаны спеціально для народа. «Это для сѣрыхъ»,—говорили рабочіе, когда имъ революціонеры-интеллигенты преподносили «сказку о четырехъ братьяхъ», «Мудрицѣ Наумовнѣ» и т. п. «Что это,—вы думаете, что ужъ мы, рабочіе,—совсѣмъ дураки?»—говорилъ Плеханову молотобоецъ, просиживавшій вечера надъ «Основами біологіи» Спенсера, когда тотъ ему совѣтовалъ взять что-нибудь полегче. Не удовлетворяясь чтеніемъ революціонныхъ брошюръ, такіе рабочіе «охотно читали все, что печаталось революціонерами для интеллигенціи: «Государственность и анархію» Бакунина, «Впередъ!», «Общину», «Землю и волю», переизданную въ Петербургѣ брошюру г-на Драгоманова: «До чего довоевались?» и т. п. [2])».

Нѣкоторые изъ нихъ непрочь были и сами взяться за перо, и одно время на василеостровскомъ патронномъ заводѣ

---

[1]) «Русскій рабочій въ рев. движеніи», стр. 7.
[2]) «Русскій рабочій въ рев. движеніи», стр. 13.

самими рабочими издавался рукописный журналъ—родъ рѣзкой сатиры на недостатки заводской жизни и прижимки заводскаго начальства.

Если такая характеристика вѣрна лишь относительно передовыхъ рабочихъ, то все же она говоритъ также и о довольно высокомъ уровнѣ остальной рабочей среды, изъ которой выходили передовые рабочіе.

Въ этой средѣ пропагандисты-народники находили благодатный матеріалъ для своей пропаганды: рабочіе оказывались чуткими къ идеямъ соціализма, какъ вслѣдствіе своей большей интеллигентности, такъ и по своему соціальному положенію. Пропаганда среди рабочихъ началась довольно рано,—повидимому, еще въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Уже въ 1863 г. правительство обнаружило ея слѣды и приговорило одного изъ первыхъ такихъ пропагандистовъ, офицера Ушакова къ разстрѣлу «за распространеніе вредныхъ идей между фабричными рабочими посредствомъ чтенія и передачи имъ сочиненій возмутительнаго содержанія съ преступной цѣлью возмущенія ихъ противъ правительства». Смертная казнь Ушакову была замѣнена каторгой.

Позднѣе, къ началу 70-хъ годовъ, стали возникать цѣлые кружки пропагандистовъ, которые, наряду съ работой въ деревнѣ, удѣляли силы и время и для пропаганды среди городскихъ рабочихъ. Самымъ вліятельнымъ изъ такихъ кружковъ былъ кружокъ «чайковцевъ»; его члены немало потрудились надъ созданіемъ прочныхъ связей въ рабочей средѣ и надъ выработкой изъ самихъ рабочихъ сознательныхъ революціонеровъ. Изъ ихъ кружковъ вышли многіе изъ выдвинувшихся впослѣдствіи революціонныхъ дѣятелей-рабочихъ.

Позднѣе ихъ смѣнили новые кружки народниковъ, но преемственная связь почти не прерывалась: зароненное сѣмя пропаганды дало такіе прочные ростки, что вырвать ихъ безъ слѣда правительство оказалось не въ состояніи, несмотря на всѣ свои усилія.

Въ короткое время народникамъ, работавшимъ среди петербургскихъ рабочихъ, удалось завести широкія связи, и число рабочихъ, спропагандированныхъ ими къ серединѣ 70-хъ годовъ, достигло довольно крупной цифры—нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Но въ пропагандѣ народниковъ было много существенныхъ недостатковъ.

Въ Петербургѣ въ это время дѣйствовали главнымъ образомъ двѣ революціонныя группы народниковъ: бунтари-землевольцы и лавристы. Обѣ эти группы расходились между собой главнымъ образомъ по вопросамъ тактики: въ то время, какъ землевольцы шли «въ народъ» съ проповѣдью бунтовъ, которые, по ихъ мнѣнію, одни могли воспитать народную массу и подготовить ее къ соціальному перевороту,—лавристы къ подобной тактикѣ относились отрицательно; въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, во время петербургскихъ стачекъ въ 1878 г., они считали ее даже реакціонной и склонялись къ мирной пропагандистской тактикѣ, подобной той, какую около этого времени примѣняли германскіе соціалъ-демократы у себя на родинѣ. Но собственно только этимъ и ограничивались разногласія лавристовъ съ землевольцами-бунтарями и ихъ сходство съ нѣмецкими соціалъ-демократами. Что же касается программы, то здѣсь и тѣ, и другіе сходились въ большинствѣ пунктовъ. Во главу угла ихъ міросозерцанія было положено народническое представленіе о русской деревенской общинѣ, какъ наиболѣе совершенной общественной формѣ, способной привести народъ къ соціализму. Они считали поэтому Россію стоящей гораздо ближе къ соціальной революціи, чѣмъ всѣ западно-европейскія страны, гдѣ успѣлъ уже развиться капитализмъ, разложившій общинные устои жизни. Россіи,—говорили они,—достаточно свергнуть гнетъ государства и организовать взамѣнъ его вполнѣ свободную федерацію общинъ, чтобы ссздать всѣ предпосылки для соціализма. Главной революціонной силой, способной уничтожить современное государство, они считали крестьянство, на него они возлагали всѣ свои надежды и ему удѣляли большинство своихъ силъ.

Отношеніе же ихъ къ городскимъ рабочимъ было какимъ-то двойственнымъ и непослѣдовательнымъ. Въ своихъ программахъ они не отводили пролетаріату никакой самостоятельной политической роли. Но возлагая всѣ свои надежды на пропаганду среди крестьянъ и на крестьянскіе «бунты», они всетаки считали нужнымъ заниматься съ рабочими; они шли къ нимъ, такъ сказать, вопреки своей теоріи, такъ какъ не могли не видѣть, что на этой почвѣ ихъ сѣмена дають лучшіе плоды, чѣмъ поселенія въ народѣ.

Но вслѣдствіе этихъ же причинъ ихъ пропаганда должна была давать очень мало положительнаго рабочимъ. Прежде всего сами народники, смотрѣвшіе на все окружающее глазами

своего учителя Бакунина, въ торжествѣ капитализма и въ развитіи пролетаріата видѣли лишь величайшее зло Россіи. Эти взгляды народниковъ не могли не передаваться и рабочимъ, и среди послѣднихъ можно было въ то время встрѣтить немало послѣдовательныхъ сторонниковъ народнической программы, громившихъ съ чужого голоса «развращенность и буржуазность» городскихъ рабочихъ и мечтавшихъ идти въ деревню, гдѣ только и можно найти «настоящій народъ». Но такое *самооплеваніе* было удѣломъ далеко не всѣхъ рабочихъ. Болѣе чуткіе и самостоятельные изъ нихъ должны были чувствовать внутреннюю фальшь подобнаго взгляда; эти-то рабочіе, не находя для себя мѣста въ программахъ народниковъ, должны были, въ лицѣ Степана Халтурина, Виктора Обнорскаго и др., придти въ концѣ концовъ къ идеѣ самостоятельнаго рабочаго движенія, которому они и отдались со всей энергіей. Но даже и тѣ изъ рабочихъ, которые не умѣли противопоставить аргументаціи народниковъ-интеллигентовъ своихъ собственныхъ доводовъ, должны были на практикѣ убѣдиться, что они сами стали уже неспособными удовлетворяться всѣми прелестями «народной» жизни. За время жизни въ городѣ у нихъ уже успѣли выработаться новыя привычки и потребности, отрѣшиться отъ которыхъ имъ было не такъ-то легко. Въ большинствѣ случаевъ они оказывались еще болѣе непригодными для работы въ деревнѣ, чѣмъ народники-интеллигенты. Побродивъ по деревнямъ и не сумѣвъ нигдѣ пристроиться, они обыкновенно кончали тѣмъ, что возвращались въ города и принимались за агитацію среди своего же брата.

Что же могла дать такая пропаганда рабочимъ? Она, конечно, поднимала общій уровень рабочаго, но была совершенно неспособна будить въ немъ классовое самосознаніе; если же въ отдѣльныхъ случаяхъ и получался подобный результатъ, то происходило это помимо воли народниковъ: сознательно они никогда не ставили себѣ цѣлью выяснять и развивать передъ рабочими «идею четвертаго сословія».

«Мы проповѣдывали имъ не соціализмъ и даже не либерализмъ, а именно тотъ передѣланный на русскій ладъ бакунизмъ, который училъ рабочихъ презирать «буржуазныя» политическія права и «буржуазную» политическую свободу и ставилъ передъ ними, въ видѣ соблазнительнаго идеала, допотопныя крестьянскія учрежденія. Слушая насъ, рабочій могъ проникнуться ненавистью къ правительству и бунтарскимъ

духомъ, могъ научиться сочувствовать «сѣрому» мужику и желать ему всего лучшаго, но ни въ какомъ случаѣ не могъ онъ понять, въ чемъ заключается его собственная задача, соціально-политическая задача пролетарія. До этого ему приходилось додумываться собственнымъ умомъ» [1]).

Задуматься надъ всѣмъ этимъ пришлось довольно-таки скоро. Въ воздухѣ уже пахло приближающимся періодомъ упорной стачечной борьбы. Эта борьба не замедлила разразиться и привела въ движеніе широкія рабочія массы; тутъ-то и должны были обнаружиться всѣ недочеты прежнихъ пріемовъ дѣятельности. Но эта борьба рабочихъ содѣйствовала не только уясненію ошибокъ тогдашней революціонной интеллигенціи,—она пробудила мысль и въ рабочей массѣ, содѣйствуя нарастанію классового самосознанія. Передъ болѣе же развитыми рабочими эта борьба поставила ребромъ вопросъ о необходимости создать самостоятельную рабочую партію, которая была бы выразительницей классовыхъ стремленій пролетаріата и руководительницей въ его классовой борьбѣ.

III.

Кризисъ въ 70-хъ годахъ и вызванныя имъ волненія петербургскаго пролетаріата.

Развитіе промышленности, послѣдовавшее за освобожденіемъ крестьянъ, неминуемо должно было дать могучій толчокъ и развитію стачечнаго движенія. Еще не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, капитализмъ пустить корни въ русскую почву, какъ въ разныхъ мѣстахъ начинаютъ вспыхивать крупныя и серьезныя стачки.

На этотъ разъ причина рабочихъ волненій коренилась въ томъ, что въ то время наша промышленность переживала періодъ застоя. Капиталистическое производство не можетъ развиваться иначе, какъ путемъ періодическихъ кризисовъ. Въ то время, какъ трудъ каждаго отдѣльнаго работника становится все болѣе трудомъ общественнымъ и тѣсно связанъ тысячами невидимыхъ нитей съ трудомъ другихъ рабочихъ, распоряженіе этимъ трудомъ находится въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ, которые прежде всего считаются съ интересами

---

[1]) «Русскій рабочій въ рев. движеніи», стр. 11.

собственнаго кармана. Производство на отдѣльныхъ фабрикахъ ведется безъ общаго плана и рано или поздно неминуемо приводитъ къ перепроизводству, которое всей своей тяжестью ложится на рабочій классъ. Такъ было и на этотъ разъ. Начиная съ конца 60-хъ годовъ, по всей Россіи появлялись новыя фабрики, расширялись старыя; однѣхъ желѣзныхъ дорогъ было построено нѣсколько тысячъ верстъ. Новыя фабрики и желѣзнодорожныя постройки привлекли къ себѣ новыя массы рабочаго люда; стали быстро расти города и возникать новыя поселенія; это, въ свою очередь, вызвало усиленную строительную дѣятельность. Въ связи съ желѣзнодорожнымъ строительствомъ должно было сильно возрасти производство рельсъ, вагоновъ, а также и добываніе руды. Ростъ рабочаго населенія, въ свою очередь, вызвалъ усиленный спросъ на предметы потребленія,—словомъ, самыя разнообразныя отрасли труда испытывали въ этотъ періодъ времени оживленіе. Мы нарочно остановились на этой переплетающейся зависимости одной отрасли производства отъ другихъ, чтобы потомъ легче было понять, какъ легко заминка въ одномъ изъ нихъ должна была отразиться и на остальныхъ. Дѣйствительно, стоило только въ 1875 г. значительно сократиться постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, какъ это обстоятельство тотчасъ же отразилось ухудшеніемъ положенія рабочихъ въ самыхъ разнообразныхъ производствахъ. Тотчасъ же сократилась работа на желѣзнодѣлательныхъ заводахъ, а это, въ свою очередь, сократило спросъ на руду, и масса рабочихъ была выброшена на улицу и должна была испытывать на самой себѣ всѣ ужасы безработицы. Нужда же безработныхъ неминуемо должна была вызвать сокращеніе спроса на предметы потребленія рабочихъ и, стало быть, сокращеніе производства на тѣхъ заводахъ и фабрикахъ, которые выдѣлывали эти продукты. Все это еще болѣе усиливало кризисъ и еще болѣе ухудшало положеніе рабочихъ, не только тѣхъ, которые были выброшены фабрикантами на улицу, но и положеніе всего рабочаго класса. Тысячи безработныхъ, обреченныхъ на голодную смерть или, въ самомъ лучшемъ случаѣ, на продолжительное голоданіе, были принуждены толпиться передъ дверями фабрикъ, вымаливая себѣ работы и готовые стать на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Можно было бы поэтому заранѣе предсказать, что капиталисты не упустятъ такого удобнаго случая, чтобы лишній разъ нажать на рабочихъ и принудить ихъ, подъ угрозой голодной

смерти, работать на болѣе тяжелыхъ для себя, но болѣе прибыльныхъ для капиталиста условіяхъ. И, дѣйствительно, благодаря кризису, положеніе рабочихъ на большинствѣ фабрикъ и заводовъ со средины 70-хъ годовъ значительно ухудшилось. Но прижимки со стороны капиталистовъ не могли пройти безслѣдно: онѣ обостряли взаимныя отношенія между рабочими и капиталистами, накопляли въ первыхъ чувство протеста противъ безотрадныхъ условій своего существованія и будили въ нихъ стремленіе сообща бороться за улучшеніе своего положенія. Со второй половины 70-хъ годовъ эта борьба начинаетъ выливаться наружу, проявляясь то спорадически, то, подобно эпидеміи, распространяясь на широкія массы рабочихъ. Нѣкоторыя условія, которыхъ мы касались уже выше, а именно: зачатки классового самосознанія, воспитанные предшествовавшей борьбой, развитіе капитализма, которое постепенно выдѣляло фабричныхъ рабочихъ въ особый классъ, повышая въ то же время ихъ интеллигентность, и, наконецъ, участіе передовыхъ рабочихъ въ революціонной борьбѣ,—всѣ эти условія способствовали тому, чтобы на этотъ разъ борьба рабочихъ отдѣльныхъ фабрикъ стала принимать характеръ борьбы классовой между пролетаріатомъ и буржуазіей. И, что всего важнѣе, этотъ характеръ борьбы сознавался не только передовыми рабочими; въ дальнѣйшемъ мы попытаемся указать, какимъ путемъ борющаяся рабочая масса въ самомъ процессѣ борьбы постепенно приходила къ сознанію солидарности своихъ интересовъ съ интересами всѣхъ вообще рабочихъ и противоположности ихъ стремленіямъ всѣхъ эксплоатирующихъ классовъ.

Прежде всего, конечно, возбужденное настроеніе проявилось среди наиболѣе сознательныхъ рабочихъ, уже затронутыхъ революціонной пропагандой народниковъ. Еще въ концѣ 1876 года, они задумали устроить свою рабочую демонстрацію и притомъ такую, которая бы своимъ рѣзко-революціоннымъ характеромъ дала просторъ и выходъ для нараставшаго въ ихъ груди чувства протеста противъ капиталистическаго гнета. Устроители демонстраціи разсчитывали, что на нее можетъ придти до 2.000 рабочихъ, но, какъ потомъ оказалось, эти предположенія не оправдались. Сознательнымъ рабочимъ на этотъ разъ не удалось привлечь къ своему дѣлу болѣе широкій контингентъ участниковъ, и на демонстрацію явились почти исключительно одни сознательные рабочіе, человѣкъ

200—250. Рабочая же масса не пошла на нее просто потому, что для нея оставались все время неясными смыслъ и значеніе самой демонстраціи, а организаторы демонстраціи ограничивались однимъ призывомъ, не попытавшись, или, вѣрнѣе, не сумѣвъ, соединить идею демонстраціи съ нараставшимъ уже чувствомъ протеста.

Но какъ бы тамъ ни было, а демонстрація была устроена. 6-го декабря 1876 г. передъ Казанскимъ соборомъ собралось нѣсколько сотъ человѣкъ рабочихъ и учащейся молодежи. Было поднято красное знамя съ надписью «Земля и Воля», которое подхватилъ молодой рабочій Потаповъ, и, поднятый на руки товарищами, онъ нѣкоторое время держалъ его надъ головами присутствующихъ. Однимъ изъ участниковъ демонстраціи, Г. В. Плехановымъ, была произнесена революціонная рѣчь, законченная и подхваченная возгласами: «Да здравствуетъ соціальная революція, да здравствуетъ Земля и Воля!» [1]).

При первыхъ же словахъ рѣчи, полиція и жандармы, присутствовавшіе на Казанской площади и поджидавшіе только повода, чтобы накинуться на демонстрантовъ, бросились протискиваться къ оратору, но ихъ сейчасъ же оттѣснили назадъ.

«Ребята, держись тѣснѣй, не выдавай, не подпускай полиціи!»—командовалъ одинъ изъ рабочихъ, а остальные поспѣшили тѣснымъ кольцомъ окружить говорившаго.

Когда рѣчь была окончена, демонстранты, чтобы избѣжать арестовъ, рѣшили всей толпой двинуться по направленію къ Невскому. Но не успѣли они пройти и нѣсколькихъ шаговъ, какъ послѣдовало новое нападеніе полиціи, которая стала арестовывать шедшихъ въ заднихъ рядахъ.

«Тутъ общее возбужденіе дошло до послѣдней степени. Кто-то скомандовалъ: «Стой! нашихъ берутъ!» и толпа бросилась отбивать арестованныхъ. Полицейскіе были смяты и побѣжали за соборъ, въ Казанскую улицу. Еслибы, отразивъ этотъ первый непріятельскій натискъ, революціонеры выказали больше самообладанія, то они, вѣроятно, смогли бы отступить безъ потерь и въ полномъ порядкѣ... Но кому изъ принимавшихъ когда-нибудь участіе въ подобныхъ столкновеніяхъ неизвѣстно, какъ трудно ввести въ надлежащія границы разъ

---

[1]) Б Базилевскій, «Госуд. преступлен. въ Россіи», т. II, стр. 4.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
547240

прорвавшіяся наружу страсти? Публика продолжала преслѣдовать обращенную въ бѣгство полицію» [1]).

Это была непростительная ошибка, отдавшая въ руки полиціи около трехъ десятковъ участниковъ демонстраціи. Съ одними изъ нихъ, а именно съ представителями революціонной интеллигенціи, правительство поспѣшило свирѣпо расправиться, осудивъ въ Сибирь на каторгу и притомъ на значительные сроки; но зато съ рабочими оно рѣшило пока обойтись милостиво, какъ бы боясь, чтобы суровымъ осужденіемъ однихъ не озлобить остальныхъ представителей рабочаго класса. Такъ, напримѣръ, рабочаго Потапова, который несъ красное знамя и съ нимъ былъ потомъ арестованъ, судъ приговорилъ всего лишь къ заключенію въ монастырь «на покаяніе». Такъ же мягки были приговоры и остальнымъ попавшимся рабочимъ.

Правительство своими репрессіями придало этой демонстраціи болѣе громкій характеръ, чѣмъ каковой она была на самомъ дѣлѣ. Сами же устроители демонстраціи не могли считать ее вполнѣ удавшейся и волей-неволей должны были задуматься надъ причинами этой неудачи. Чтобы на будущее время не повторять старыхъ ошибокъ, они должны были подумать о томъ, какими способами удобнѣе всего пріобщать широкую пролетарскую массу къ своимъ протестамъ.

Когда черезъ годъ послѣ казанской демонстраціи имъ пришлось снова «дѣйствовать», они оказались уже гораздо болѣе на высотѣ своего призванія, чѣмъ прежде.

За этотъ годъ многое успѣло измѣниться въ настроеніи самой рабочей массы. Продолжавшійся кризисъ не могъ не обострять ея отношеній къ своимъ хозяевамъ. Прижимки капиталистовъ, стремившихся беззастѣнчиво на каждомъ шагу урѣзать рабочій заработокъ, удлинить рабочій день, не проходили, конечно, безслѣдно, но накопляли много горючаго матеріала и будили чувство протеста; борьба могла вспыхнуть каждую минуту и притомъ по самому незначительному поводу.

Какъ разъ въ это время на василеостровскомъ патронномъ заводѣ были убиты взрывомъ пороха шесть человѣкъ рабочихъ [2]). Въ ихъ смерти было виновато само заводское начальство, которое не принимало никакихъ предосторожностей, несмотря на неоднократныя предупрежденія со сто-

---

[1]) Плехановъ, стр. 21.
[2]) «Община» (1878 г.), № 2, стр. 20.

роны самихъ рабочихъ. Послѣдніе были очень озлоблены этимъ взрывомъ, и когда по этому поводу былъ выпущенъ листокъ, въ которомъ происшествіе на заводѣ ставилось въ связь съ общимъ положеніемъ рабочаго класса, то это воззваніе попало на благопріятную почву. Листокъ произвелъ хорошее впечатлѣніе и еще болѣе повысилъ настроеніе рабочихъ.

Передовые рабочіе, входившіе въ заводскій революціонный кружокъ, рѣшили поэтому дѣйствовать и, намѣреваясь придать предстоящимъ похоронамъ характеръ демонстраціи, пригласили на нее своихъ знакомыхъ интеллигентовъ-бунтарей. Характерна при этомъ слѣдующая подробность. У этого кружка, кромѣ бунтарей, были также знакомые среди лавристовъ, но ихъ они не рѣшались приглашать, зная враждебное отношеніе тѣхъ къ подобнымъ протестамъ.

«Богъ съ ними совсѣмъ»,—говорили они.—«Лавристы—люди хорошіе, но пойдутъ спорить, доказывать, что мы затѣяли пустое, а намъ послушаться ихъ нельзя: очень ужъ возбуждены всѣ рабочіе».

Революціонный инстинктъ подсказывалъ имъ вѣрную тактику—использовать это озлобленное настроеніе рабочихъ и превратить безсознательное пока чувство злобы въ сознательный протестъ противъ гнета экономическихъ условій.

Но на дѣлѣ вышло нѣсколько иначе, чѣмъ предполагали иниціаторы демонстраціи. Когда въ день похоронъ они подошли къ заводу, то видъ одѣтой по-праздничному толпы произвелъ на нихъ расхолаживающее впечатлѣніе: толпа показалась имъ слишкомъ буржуазной, и они рѣшили не выступать съ рѣчью.

Вся процедура похоронъ прошла мирно; хотя полиція въ значительномъ количествѣ все время была насторожѣ, готовая придраться къ малѣйшему поводу, но толпа оставалась все время спокойной.

«Но когда все было кончено, и настало время расходиться, въ ней началось какое-то движеніе. Незнакомый намъ полный, рыжій рабочій протискался къ одной изъ крайнихъ могилъ. «Господа»,—воскликнулъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—«мы хоронимъ сегодня шесть жертвъ, убитыхъ не турками [1]), а попечительнымъ начальствомъ. Наше началь...»

«Его прервали».

«Раздались полицейскіе свистки, и околоточный надзиратель

---

[1]) Дѣло было во время русско-турецкой войны. *

положилъ ему руку на плечо со словами: «Я васъ арестую». Но едва успѣлъ онъ выговорить это, какъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Со всѣхъ сторонъ раздались негодующіе крики, и толпа, та самая толпа, которая произвела на насъ безнадежное впечатлѣніе своею будто бы буржуазною прилизанностью, дружно кинулась на оторопѣвшихъ полицейскихъ. Въ одно мгновеніе арестованный былъ куда-то далеко унесенъ нахлынувшей рабочей волной, а пытавшійся взять его околоточный не совсѣмъ твердымъ голосомъ извинялся передъ публикой.

«— Вѣдь я же не могу иначе, господа: я самъ отвѣчаю за безпорядки передъ начальствомъ.

«— Разсказывай! Вотъ мы тебя вздуемъ, такъ ты впередъ не будешь соваться, куда не слѣдуетъ!—отвѣчали ему изъ толпы.

«— Бей его!—кричали наиболѣе ожесточенные.

«Положеніе полиціи становилось критическимъ. Здѣсь, на далекомъ Смоленскомъ кладбищѣ, она была совершенно безсильна передъ этой тысячью разъяренныхъ рабочихъ. Но ее спасло именно ея очевидное для всѣхъ безсиліе.

«— Братцы, что-жъ мы ихъ будемъ бить,—сказалъ чей-то голосъ.—Насъ много, ихъ мало, — стыдно намъ съ ними связываться. Пускай себѣ идутъ по домамъ; никого изъ насъ они тронуть не посмѣютъ.

«Эта, не то дипломатическая, не то дѣйствительно великодушная рѣчь нѣсколько успокоила рабочихъ. Крики поутихли; публика перестала угрожать полиціи побоями, но, съ другой стороны, не хотѣла и отпустить ее съ миромъ, такъ какъ боялась, что она прослѣдитъ и арестуетъ оратора. Толпа раздѣлилась на двѣ части: одна окружила полицейскихъ, другая сплотилась вокругъ оратора и торжественно повела его къ воротамъ. Онъ, повидимому, никакъ не ожидалъ такой чести и сконфуженно посматривалъ на товарищей, шумно выражавшихъ ему свое сочувствіе. Всѣ окружавшіе громко ругали начальство и полицію. Мнѣ особенно бросилась въ глаза худая, маленькая старушка, которая, ни къ кому не обращаясь въ частности и какъ будто разговаривая сама съ собой, съ жаромъ повторяла, что надо постоять за своего человѣка»[1]).

Этотъ дружный отпоръ, которымъ рабочіе патроннаго завода отвѣтили на попытку полиціи арестовать одного изъ ихъ

---

[1]) „Русскій рабочій въ рев. движеніи“, стр. 24—25.

товарищей, ясно показывалъ, что при случаѣ они сумѣютъ постоять за свои интересы, не побоятся пойти противъ начальства и дѣйствовать скопомъ,—нужно только, чтобы были затронуты дѣйствительно ихъ жизненные интересы.

Если похороны и не вылились въ демонстрацію противъ правительства, то онѣ достаточно хорошо демонстрировали тогдашнимъ революціонерамъ грозную силу рабочаго класса. выросшія въ его нѣдрахъ солидарность и умѣнье дѣйствовать сообща. Не менѣе хорошее впечатлѣніе произвели похороны и на самихъ рабочихъ: онѣ закрѣпили въ нихъ то братское чувство солидарности, которое вырабатывала въ нихъ вся предшествующая, полная тяжелыхъ лишеній жизнь подъ стукъ фабричнаго молота. Революціонерамъ же эти похороны, кромѣ того, показали, что рабочіе въ рѣшительную минуту не испугаются союза съ ними и будутъ видѣть въ нихъ своихъ дѣйствительныхъ друзей.

И, дѣйствительно, новыя боевыя стычки были уже не за горами. Не успѣли петербургскіе рабочіе забыть про демонстрацію на похоронахъ, какъ въ мартѣ 1878 года неожиданно вспыхнула стачка на Новой бумагопрядильнѣ, а за ней начался довольно продолжительный періодъ самой упорной стачечной борьбы, то вспыхивавшей сразу на нѣсколькихъ фабрикахъ, то прорывавшейся спорадически.

Новая бумагопрядильня была одной изъ самыхъ крупныхъ фабрикъ на Обводномъ каналѣ; на ней работало болѣе 2.000 рабочихъ, по большей части людей довольно сѣрыхъ, лишь недавно покинувшихъ обстановку деревенской жизни и не успѣвшихъ еще, какъ слѣдуетъ, вывариться въ фабричномъ котлѣ. Существовалъ на этой фабрикѣ, правда, и революціонный кружокъ, въ который входило человѣкъ 10—12 рабочихъ, но это была большею частью зеленая фабричная молодежь, въ революціонныхъ дѣлахъ малоопытная и не пользовавшаяся особеннымъ вліяніемъ въ кругу своихъ товарищей...

Стачка началась изъ-за сокращенія заработной платы и введенія новыхъ фабричныхъ правилъ, сущность которыхъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ сводилась также къ удешевленію рабочей силы. Хозяйская алчность и наглость такъ рѣзко били въ глаза, что рабочіе дружно забастовали, но эти же качества новой хозяйской прижимки породили въ нихъ иллюзію, что само начальство должно вступиться за нихъ, разъ только ему станутъ извѣстны новыя правила. Напрасно болѣе

сознательные изъ нихъ—члены революціоннаго кружка и другіе какіе-то незнакомые люди. которыхъ раньше не было видно, одѣтые какъ будто не совсѣмъ по-фабричному, но тянувшіе ихъ же руку—совѣтовали съ самаго начала плюнуть на начальство и надѣяться только на самихъ себя,—полусѣрая, политически неразвитая масса продолжала стоять на своемъ, не слушаясь никакихъ доводовъ.

Видя, какъ трудно разубѣдить рабочихъ въ начальнической заботливости, революціонеры рѣшили уступить имъ и предоставить на собственномъ опытѣ убѣдиться, какъ велика забота правительства о нуждахъ рабочаго класса. Они, конечно, наперед знали, что всѣ эти надежды должны въ концѣ концовъ рухнуть, разбившись при столкновеніи съ суровою дѣйствительностью, принеся рабочимъ лишь одно разочарованіе, но они правильно поняли, что такое разочарованіе лучше всякихъ словъ убьетъ въ нихъ прежнюю вѣру въ начальство, отучитъ во второй разъ обращаться за помощью къ волкамъ, и на мѣсто прежней вѣры, заложитъ прочное убѣжденіе, что въ своей борьбѣ они могутъ полагаться только на свои силы.

Прежде всего рабочіе обратились за помощью къ приставу, который принялъ сперва ихъ ходоковъ очень любезно, обѣщалъ даже переговорить съ управляющимъ фабрикой, но затѣмъ, снесясь съ высшимъ начальствомъ, рѣзко измѣнилъ свое отношеніе къ стачечникамъ и, когда рабочіе, наскучивъ ожиданіемъ отвѣта отъ него, послали къ нему вторично ходоковъ, встрѣтилъ послѣднихъ уже по-иному: обозвалъ бунтовщиками, пригрозилъ строгимъ наказаніемъ и сталъ требовать, чтобы рабочіе немедленно принялись за работу, подчинившись новымъ правиламъ.

Измѣна пристава и его нравоученіе не убѣдили, однако, рабочихъ: они увидѣли въ этомъ подвохъ. «Снюхался съ управляющимъ»,—говорили они про пристава и рѣшили идти къ градоначальнику.

Когда же и здѣсь ихъ постигла неудача, стали раздаваться голоса, что надо подать прошеніе самому наслѣднику: онъ ужъ не станетъ тянуть руку управляющаго.

За составленіемъ прошенія рабочіе обратились къ самимъ революціонерамъ. Какъ ни открещивались тѣ отъ такого порученія, какъ ни морщились, но всетаки имъ пришлось его составить. Зато и само прошеніе, вышедшее изъ-подъ ихъ пера, очень мало напоминало обычныя слезныя моленія, а

скорѣе было гордымъ требованіемъ, обращеннымъ къ власти. Одобренное сначала заводскимъ революціоннымъ кружкомъ, оно было представлено на разсмотрѣніе остальныхъ рабочихъ бумагопрядильни и очень имъ понравилось.

Кто-то изъ рабочихъ взобрался на кучу каменнаго угля и оттуда громогласно началъ читать «прошеніе».

«Вашему Императорскому Высочеству, — говорилось въ немъ,—небезызвѣстно какіе плохіе были отведены намъ надѣлы и какъ сильно страдаемъ мы отъ малоземелья»...

— Вѣрно, вѣрно, —гремѣла толпа:—только званіе, что земля, а пользы отъ нея никакой!

«Вашему Императорскому Высочеству небезызвѣстно также, что за эти плохіе надѣлы мы платимъ тяжелыя подати» ..—продолжалъ чтецъ.

— И это такъ, и это вѣрно!—одобряли слушатели: —вздохнуть не даютъ съ податями!

«Вашему Императорскому Высочеству небезызвѣстно, наконецъ, съ какою жестокостью взыскиваются съ насъ эти тяжелыя подати, —раздавалось съ высокой каменноугольной трибуны.—нужда гонитъ насъ на заработки въ городъ, а здѣсь насъ на каждомъ шагу притѣсняютъ фабриканты и полиція». Далѣе слѣдовалъ разборъ вызвавшихъ стачку новыхъ правилъ, а въ заключеніе говорилось, что, не видя ни откуда защиты, рабочіе ждутъ ее отъ наслѣдника престола, но если и онъ не обратитъ вниманія на ихъ просьбу, то ясно будетъ, что имъ остается надѣяться *только на самихъ себя.*

Заключеніе также найдено было очень разсудительнымъ.

— Если и отъ наслѣдника ничего не добьемся, то ужъ надо будетъ, какъ-никакъ, поправляться самимъ,—рѣшили слушатели [1]).

Но у рабочихъ, повидимому, уже при составленіи прошенія не было прежней непоколебимой увѣренности въ томъ, что наслѣдникъ долженъ непремѣнно уважить ихъ просьбу. Прежній горькій опытъ съ приставомъ и градоначальникомъ успѣлъ поколебать ихъ наивную вѣру въ заступничество власти, и теперь не находилось никого, кто бы соглашался идти ходокомъ къ Аничкову дворцу. Рѣшили, поэтому, нести прошеніе всей толпой. Въ назначенный день прошеніе было отнесено, и его принялъ отъ рабочихъ градоначальникъ и понесъ во

---

[1]) «Русскій рабочій въ рев. движеніи», стр. 30.

дворецъ для передачи самому наслѣднику. Изъ окна дворца кто-то наблюдалъ за церемоніей передачи прошенія, и рабочіе потомъ увѣряли, что то былъ самъ наслѣдникъ. Всего вѣроятнѣе, что имъ это только показалось, но тѣмъ не менѣе никто ужъ потомъ не сталъ говорить, что ихъ прошеніе скрыли отъ наслѣдника. А когда и это прошеніе осталось безъ отвѣта, тогда и самые маловѣрные должны были согласиться, что незачѣмъ было апеллировать къ власти.

«Нечего было и ходить къ нему, только сапоги трепали»,— говорили теперь всѣ, кто прежде, энергичнѣе другихъ, настаивалъ на подачѣ прошенія.

Стачка между тѣмъ затянулась; рабочіе были уже истощены и скоро сдались, послѣ кое-какихъ уступокъ со стороны капиталиста. Но сдались они уже не какъ рабы, а съ затаеннымъ чувствомъ протеста, съ надеждой побѣдить въ другой разъ, собравшись съ силами и просвѣтленные сознаніемъ, что въ будущей борьбѣ они могутъ надѣяться только на самихъ себя; наивной вѣры въ заступничество власти не осталось и слѣда: она стала уступать мѣсто трезвому взгляду на вещи. Оппозиціонное же настроеніе рабочихъ не только не убавилось, но, наоборотъ, еще возросло и не замедлило проявиться по самому незначительному поводу. 8-го ноября рабочіе этой фабрики, находя, что ихъ достаточно эксплоатируютъ согласно новымъ правиламъ, рѣшили устроить себѣ праздникъ и отказались работать, мотивируя свое отсутствіе тѣмъ, что въ Михайловъ день работать грѣхъ. Начальство, конечно, озлилось, но подѣлать ничего не могло—день былъ упущенъ, а съ нимъ вмѣстѣ пропадала и вся довольно внушительная сумма прибавочной стоимости, которую оно привыкло ежедневно выжимать изъ 2.000 рабочихъ. Чтобы хоть какъ-нибудь наверстать упущенное, оно рѣшило увеличить работу на фабрикѣ на 1/4 часа до тѣхъ поръ, пока изъ этихъ кусочковъ времени не составится лишній рабочій день. Но осуществить это ему не удалось: два дня рабочіе, хотя и съ неудовольствіемъ, мирились съ новымъ порядкомъ, но на третій день кто-то придумалъ завернуть ровно въ 8 часовъ главный газопроводный кранъ, и рабочіе съ криками, густой толпой, повалили изъ фабрики, испортивъ на ходу нѣсколько основъ и выбивъ нѣсколько оконныхъ стеколъ. Несмотря на всѣ старанія фабричнаго начальства и самой полиціи, не замедлившей наводнить всю фабрику, найти виновныхъ не удалось. Напрасно

приставъ таскалъ рабочихъ къ себѣ въ участокъ, то угощая водкой и апельсинами, то грозя высылкой въ Архангельскую губернію,—рабочіе никого не выдали; только одна женщина, работавшая вблизи газопроводнаго крана, показала, что потушилъ газъ какой-то человѣкъ съ лицомъ, обвязаннымъ передникомъ. Такъ и пришлось ограничиться лишь одной острасткой; да заводское начальство не рѣшалось болѣе заставлять рабочихъ отрабатывать по 1/4 часа лишнихъ въ день. Но уступивъ въ этомъ, оно затаило въ душѣ желаніе положить конецъ строптивости рабочихъ и стало намѣчать лицъ, энергичнѣе другихъ принимавшихъ участіе въ волненіяхъ, надѣясь этимъ путемъ добиться спокойствія и покорности со стороны остальныхъ.

Въ то время, какъ все описанное происходило среди рабочихъ Новой бумагопрядильни, не было спокойно и на остальныхъ фабрикахъ; вся рабочая масса глухо волновалась, чувствуя на себѣ усилившійся за время кризиса гнетъ, и то тамъ, то здѣсь возникали недоразумѣнія, вспыхивали стачки.

Еще въ августѣ того же года вспыхнула стачка на фортепіанной фабрикѣ Беккера, хозяинъ которой рѣшилъ согнать рабочихъ одной мастерской съ занимаемой ими у него квартиры, чтобы заодно сократить свои расходы по отопленію и освѣщенію этого помѣщенія. Половина согнанныхъ такимъ образомъ рабочихъ были нѣмцы, привыкшіе у себя на родинѣ къ стойкой борьбѣ за свои интересы. Они и здѣсь возмутились грубой прижимкой хозяина и потребовали соотвѣтственнаго повышенія заработной платы. Къ нимъ примкнули, конечно, и русскіе рабочіе, и на третій день хозяинъ принужденъ былъ уступить и согласиться на повышеніе заработной платы.

Въ концѣ сентября этого же года задумали понизить заработную плату хозяева табачныхъ фабрикъ Мирчи и Шапшалъ. На той и на другой фабрикѣ работали исключительно женщины, но и ихъ задѣла за живое новая прижимка. Заработокъ ихъ, и безъ того низкій, при новой сбавкѣ грозилъ имъ новыми тяжелыми лишеніями; онѣ отказались работать на новыхъ условіяхъ и заявили объ этомъ приказчику; когда же тотъ вздумалъ отвѣтить бранью, то палочки и машинки для папиросъ полетѣли за окно; перепуганный приказчикъ поспѣшилъ послать за хозяиномъ фабрики, и тотъ былъ прину-

женъ обѣщать оставить прежнюю плату. Такъ же неудачна была попытка понизить плату и на второй фабрикѣ.

26-го сентября на этой фабрикѣ появилось слѣдующее объявленіе:

«Мастерицамъ табачной фабрики Шапшалъ!

Симъ объявляю, что, по случаю остановки товара, я сбавляю съ каждой тысячи папиросъ 10 коп.

Шапшалъ».

Но это объявленіе было моментально сорвано, и на его мѣстѣ появилось другое:

«Хозяину табачной фабрики Шапшалъ!

Мы, мастерицы вашей фабрики, симъ объявляемъ, что не согласны на сбавку, потому что и такъ отъ нашего заработка не можемъ порядочно одѣться.

Мастерицы вашей фабрики» [1]).

И здѣсь мастерицы держались удивительно дружно и не только не согласились работать на новыхъ условіяхъ, но и не выдали писавшей объявленіе. Администраціи и здѣсь пришлось уступить, и плата осталась прежняя.

То обстоятельство, что пониженіе платы на обѣихъ табачныхъ фабрикахъ произошло одновременно и было одинаково, позволяетъ предположить, что оба фабриканта дѣйствовали со взаимнаго согласія, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить себѣ успѣхъ; но ихъ предпринимательскіе аппетиты разбились объ удивительную стойкость работницъ.

Не успѣлъ рабочій Петербургъ забыть обо всѣхъ этихъ стачкахъ, какъ въ концѣ ноября забастовали рабочіе на фабрикѣ Кенига, что за Нарвской заставой. Эксплоатація рабочихъ на этой фабрикѣ была самая вопіющая: при 14-ти часовомъ рабочемъ днѣ и поштучной работѣ рабочій вырабатывалъ не болѣе 17—20 руб. Но и этого фабриканту было мало; хотя работа по условію должна была начинаться въ 5 часовъ утра и кончаться въ 8 часовъ вечера, съ перерывомъ въ 1 часъ на обѣдъ, фабрикантъ пускалъ машины въ ходъ за четверть часа до условленнаго времени и штрафовалъ всѣхъ, кто опаздывалъ.

«Если при расчетѣ, происходящемъ 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца, рабочій позволитъ себѣ спросить, на какомъ основаніи сдѣланъ тотъ или другой вычетъ изъ слѣдуемыхъ

---

[1]) «Земля и Воля», № 3 (1879 г.), стр. 15.

ему денегъ, его штрафуютъ снова. Если хозяинъ не пріѣзжалъ ко дню расчета и рабочіе освѣдомлялись, когда же они получатъ «жалованье»,—они подвергались новому штрафу. Штрафовали за нечистоту машины, за мѣстоименіе «ты», употребленное въ разговорѣ съ мастеромъ, и т. д., и т. д. О прогульныхъ дняхъ нечего и говорить; несмотря на то, что плата была поштучная, за каждый прогульный день рабочій долженъ былъ проработать 2 дня безплатно» [1]).

Словомъ, хозяйская рука разгуливала во-всю по горбу рабочаго, позволяя себѣ нагло издѣваться надъ его личностью; тѣмъ большею неожиданностью для этой хозяйской руки было, когда въ одинъ прекрасный ноябрьскій день всѣ рабочія руки, до того времени раболѣпно созидавшія ему порядочную прибыль и покорно сносившія его самодурство, вдругъ заявили, что они тоже люди и хотятъ болѣе сносныхъ условій работы.

Началась стачка у Кенига по слѣдующему поводу. При производствѣ работы на бумагопрядильныхъ фабрикахъ всегда остаются отбросы, которые образуютъ цѣлыя кучи такъ называемой «пыли». До самаго послѣдняго времени сортировкой этой «пыли» у Кенига занимались особыя работницы. Но въ ноябрѣ хозяинъ фабрики, придумывая новые способы для увеличенія милой его предпринимательскому сердцу прибыли, рѣшилъ, что эту работу можно съ успѣхомъ возложить на дѣтей, эксплоатировать трудъ которыхъ онъ также не брезгалъ, но которыя и безъ того были заняты другой работой.

Предпринимательское око Кенига видѣло, что, при умѣніи, изъ мальчиковъ можно выжать много больше того, что онъ выжималъ раньше, и его душа уже предвкушала незнакомое простымъ смертнымъ сладострастное чувство накопленія, какъ вдругъ мальчики заупрямились и отказались вообще работать, если съ нихъ не будетъ снята новая обуза. Самъ Кенигъ, не привыкшій вообще церемониться со своими рабочими, хотѣлъ прогнать строптивыхъ и замѣнить ихъ новыми, но послѣдніе вдругъ получили неожиданную поддержку со стороны старшихъ рабочихъ, которые отказались работать, если не будутъ удовлетворены требованія ихъ подручныхъ.

На фабрикѣ Кенига въ то время революціонная пропаганда совершенно не велась, но слухи о томъ, что существуютъ какіе-то люди, помогающіе рабочимъ, дошли и до нихъ, и по-

---

[1]) «Земля и Воля», № 3 (1879 г.), стр. 13.

тому, начавъ стачку, они въ тотъ же день отправили нѣсколько человѣкъ на Обводный каналъ, чтобы разузнать тамъ, «какъ найти этихъ людей, помогающихъ рабочимъ».

Не отбило охоты сойтись ближе съ революціонерами и запугиваніе полиціи, которая неоднократно грозила рабочимъ Сибирью за сношенія съ бунтовщиками. Умудренные опытомъ рабочихъ на Новой бумагопрядильнѣ и своимъ собственнымъ, рабочіе Кенига шли болѣе или менѣе сознательно на знакомство съ революціонерами, научаясь понемногу политической мудрости отличать враговъ отъ друзей.

Если сравнить ихъ отношеніе къ революціонерамъ съ отношеніемъ рабочей массы на Новой бумагопрядильнѣ, получится довольно значительная разница.

Во время стачки на Новой бумагопрядильнѣ жизнь въ первый разъ поставила рабочую массу лицомъ къ лицу съ революціонерами. Революціонеры знали, конечно, зачѣмъ они идутъ къ рабочимъ, хотя и не совсѣмъ вѣрно учитывали роль рабочаго класса въ разгоравшейся борьбѣ съ деспотизмомъ. Но политически неопытная еще рабочая масса никакъ не могла взять въ толкъ, что за люди революціонеры и изъ какихъ побужденій они помогаютъ рабочимъ.

На этотъ счетъ среди рабочихъ существовали самыя дикія представленія. Одни ихъ смѣшивали съ «фискалами», т. е. попросту со шпіонами, другіе же считали ихъ тайными агентами самого царя, который самъ хочетъ помочь рабочимъ, но ему мѣшаютъ придворные и чиновники, и вотъ онъ подсылаетъ этихъ людей, чтобы они донесли ему всю правду. Только въ процессѣ самой борьбы научились рабочіе отличать революціонера отъ «фискала» и стали понимать, что эти люди не только не имѣютъ ничего общаго съ придержащею властью, но и являются самыми заклятыми ея врагами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они научались цѣнить знаніе и опытъ этихъ людей и внимательнѣе относиться къ ихъ совѣтамъ. Все это стало яснымъ для рабочихъ, конечно, не сразу, но во время стачки у Кенига уже сказались результаты этого опыта. Теперь ужъ никакія полицейскія строгости и запугиванія не дѣйствовали на рабочихъ; они продолжали свои сношенія съ революціонерами и, опираясь на ихъ поддержку, продолжали твердо стоять на своемъ.

Стачка окончилась пораженіемъ рабочихъ: Кенигъ разсчиталъ ихъ всѣхъ и набралъ себѣ новыхъ, но у рабочихъ такой

исходъ ихъ борьбы не убилъ вѣры въ правоту дѣла, за которое они такъ энергично боролись,—наоборотъ, пріучилъ ихъ къ стойкости, къ умѣнію не бояться лишеній и разрушилъ много старыхъ предразсудковъ. Революціонеры же приложили всѣ усилія, чтобы придти на помощь стачечникамъ и постарались пристроить ихъ на другихъ фабрикахъ.

Новыя стачки въ слѣдующемъ—1879—году еще нагляднѣе показали, что вся предшествующая борьба не пропала даромъ для рабочаго класса, но многому научила его.

15-го января на Новой бумагопрядильнѣ было вывѣшено объявленіе, по которому 44 ткача приглашались взять расчетъ, а мастеръ далъ и комментаріи къ этому факту, пояснивъ, что выгоняютъ ихъ за «бунтовство» и такъ будутъ поступать со всѣми, кого начальство сочтетъ неблагонадежнымъ.

Общій взрывъ негодованія прервалъ эту нахальную рѣчь мастера; объявленіе было изорвано, и ткачи, прекративъ работу, разбрелись по домамъ.

Слухи о стачкѣ съ быстротой молніи распространились по всему Петербургу. На фабрикѣ Шау за Нарвской заставой, гдѣ эксплоатація рабочей силы давно ужъ давала себя чувствовать, эти слухи вызвали всеобщее сочувствіе, и рабочіе сами рѣшили забастовать. На слѣдующій же день человѣкъ 30—40 ткачей съ этой фабрики явились на Обводный каналъ, чтобы сообща съ рабочими Новой бумагопрядильни обсудить положеніе и выработать общія требованія. Общихъ требованій выработать, однако, не удалось, такъ какъ условія работы на обѣихъ фабрикахъ нѣсколько разнились, и у рабочихъ съ фабрики Шау дѣло осложнялось тѣмъ, что хозяинъ эксплоатировалъ ихъ не только какъ рабочую силу, но и какъ потребителей, заставляя закупать всѣ продукты у себя въ лавочкѣ.

Поэтому требованія вышли нѣсколько разныя. Общими были пункты объ отмѣнѣ штрафовъ за поломку инструментовъ, о наблюденіи выборныхъ отъ самихъ рабочихъ при браковкѣ работы, объ уплатѣ за время стачки.

На общемъ собраніи было также рѣшено обратиться съ воззваніемъ ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ за помощью, а также, что первые сборы должны достаться рабочимъ Шау, такъ какъ ихъ хозяинъ могъ сильнѣе принажать, переставъ отпускать продукты изъ своей лавки. Въ случаѣ побѣды на одной изъ фабрикъ, эти рабочіе обязывались удѣлять бастую-

щимъ часть своего заработка, пока и ихъ требованія не будутъ удовлетворены.

Чрезвычайно любопытны тѣ воззванія, съ которыми обратились рабочіе обѣихъ фабрикъ ко всѣмъ петербургскимъ товарищамъ. Оба воззванія были написаны самими рабочими и выпукло характеризуютъ какъ настроеніе рабочихъ въ то время, такъ и степень ихъ политической сознательности.

«Братья! — писали рабочіе съ Новой бумагопрядильни.—У насъ, на Новой канавѣ [1]), стачка уже не въ первый разъ.

«Недавно также была стачка у Кенига за Нарвской заставой,—каждый разъ мы писали просьбы, обивали пороги у всякаго начальства; теперь мы видимъ, что начальство стоитъ за хозяевъ, а не за рабочихъ, и никогда хозяина на рабочихъ не смѣняетъ! [2]).

«Что же намъ дѣлать? Неужели же позволять хозяевамъ мудрить надъ нами, какъ имъ вздумается?

«Оттого надъ нами и брали верхъ, что не дружно мы стояли. Не только съ разныхъ мастерскихъ, а съ разныхъ фабрикъ должны помогать другъ другу... Поддержите насъ — соберите у себя сборъ, кто что можетъ; мы назначимъ у себя выборныхъ и дадимъ кому побѣднѣе».

Та же мысль проводится и въ воззваніи рабочихъ съ фабрики Шау:

«У каждаго много неудовольствій на хозяина; много разъ пытались мы дѣйствовать по-одиночкѣ. Рѣдко когда выходило на нашу сторону, а чаще мы же кланялись хозяевамъ, чтобы опять приняли къ себѣ.

«Да врозь намъ и тягаться нечего. У нихъ деньги, за нихъ начальство; каждый разъ, чуть что заговорятъ рабочіе,—сейчасъ: «вы—бунтовщики; васъ за это туда, сюда!»

«Теперь надо попробовать дѣйствовать дружно, вмѣстѣ!

«Вѣрьте, братья, такъ лучше будетъ. Вѣдь насъ здѣсь однихъ фабричныхъ — сила; пусть-ка они попробуютъ одолѣть насъ всѣхъ.

«Теперь мы такъ и будемъ дѣлать. Какъ гдѣ бросили работу, другіе, чтобы помогать: самимъ нельзя пристать, такъ хоть деньгами помочь».

---

[1]) Этимъ именемъ рабочіе окрестили Обводный каналъ.

[2]) Когда, на этотъ разъ сами революціонеры, напомнили рабочимъ о подачѣ прошенія, тѣ только смѣялись въ отвѣтъ: «Вотъ дураки-то были»,—говорили они.

Оба воззванія кончались возгласомъ: «Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!»

Этотъ призывъ къ солидарности былъ брошенъ въ рабочую массу тогдашними революціонерами, которые помѣстили его въ одной изъ своихъ прокламацій, выпущенной незадолго до послѣдней стачки.

Но этотъ призывъ тотчасъ же былъ подхваченъ самими рабочими; ихъ привела къ этому же выводу сама борьба, но сами они не сумѣли выразить это такъ кратко и ясно.

«Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!» Съ этого момента этотъ кличъ заканчиваетъ всѣ воззванія, написанныя самими рабочими.

Съ особенной непосредственностью и боевымъ энтузіазмомъ вырвался онъ изъ груди рабочихъ у Макселя.

Г. В. Плехановъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]) разсказываетъ, что однажды ему, какъ редактору издававшейся въ то время въ Петербургѣ революціонной газеты «Земля и Воля», подали запечатанный конвертъ, въ которомъ онъ нашелъ два листка, которые были исписаны каракулями, удостовѣрявшими, что писавшая ихъ рука привыкла болѣе обходиться съ веретеномъ, чѣмъ съ перомъ, и которые были озаглавлены: «Голосъ рабочево народа, живущаго и работающаго у подлеца Макселя».

Помимо обычныхъ способовъ эксплоатаціи рабочихъ, на фабрикѣ Макселя доходной статьей для ея хозяина были выстроенныя имъ казармы, жить въ которыхъ онъ приневоливалъ своихъ рабочихъ.

Наболѣвшее чувство рабочаго человѣка, видѣвшаго ясно всѣ хозяйскія прижимки и чувствовавшаго свое собственное безсиліе, пока онъ одинъ, сказалось удивительно ясно и сильно въ слѣдующихъ строкахъ, заимствуемыхъ нами изъ этой прокламаціи:

«Обѣщалъ намъ хозяинъ всякихъ милостей, да недождаться намъ отъ него ничего, какъ отъ козла ни шерсти, ни молока.

«Вогнали насъ жить въ домъ Макселя, да заставили платить за уголъ по 2 р. 25 коп. въ мѣсяцъ съ каждаго человѣка. Теперь, братцы, насъ живетъ тутъ болѣе 900 человѣкъ,— значитъ, за четыре-то съ лишнимъ года мы заплатили хозяину за одну квартиру болѣе 85 тысячъ. А онъ, свинья, не-

[1]) «Русскій рабочій въ рев. движеніи».

доволенъ нами, и если кто захочетъ по своей надобности выѣхать изъ этого проклятаго гнѣзда, такъ сейчасъ даетъ расчетъ и говоритъ: «А! Такъ ты хочешь получать жалованье, а не хочешь у хозяина въ домѣ жить! Хозяинъ тебя кормитъ, — значитъ, ты ему и свой заработокъ отдай; а не хочешь—ступай на всѣ четыре стороны!»

«А нешто, братцы, кормитъ насъ онъ? Вишь, бѣдный, самъ голодомъ сидитъ! Видно, отъ того у него и пузо-то лопнуть хочетъ! Нѣтъ, братцы, онъ отъ насъ только и кормится! Мы ему каждый день зарабатываемъ не одну тысячу!..

«Такъ будемъ, друзья, поумнѣй!.. А то скоро хозяинъ совсѣмъ разжирѣетъ,—сядетъ на насъ, да и поѣдетъ ...Встанемъ же подружнѣй, надавимъ хозяина, подлеца, посильнѣй, да будемъ говорить посмѣлѣй!

«Братцы! всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!»

Между тѣмъ стачка продолжала разрастаться. Къ ткачамъ на Новой бумагопрядильнѣ черезъ нѣсколько дней присоединились прядильщики. Воззванія рабочихъ, попадая на другія фабрики, всюду вызывали сочувствіе и стремленіе такъ или иначе помочь товарищамъ въ нуждѣ. Во многихъ мѣстахъ производились въ пользу стачечниковъ сборы, а кое-гдѣ дѣло дошло и до стачекъ. Такъ, на Выборгской сторонѣ чуть было не вспыхнула стачка изъ-за ареста одного рабочаго, заподозрѣннаго въ разбрасываніи прокламацій. На ткацкой же фабрикѣ Чешера рабочимъ удалось, при помощи одной угрозы стачкой, добиться повышенія платы.

Волненія рабочихъ происходили также на Охтѣ и въ другихъ мѣстахъ, — всюду чувствовалось пробужденіе отъ сна грознаго великана, чья мускулистая рука, по пророческому предсказанію Петра Алексѣева, должна была въ концѣ концовъ разрушить до основанія «царство гнета, насилія и тьмы».

Но это пробужденіе чувствовали не только сами рабочіе,— его тотчасъ же почувствовала и русская полиція, агенты которой принялись шнырять по рабочимъ кварталамъ, намѣчая главарей и тотчасъ же ихъ арестовывая. Всего больше свирѣпствовала полиція въ районѣ забастовавшихъ фабрикъ, но и въ другихъ мѣстахъ она не переставала арестовывать и высылать изъ столицы отдѣльныхъ рабочихъ, разъ слышала съ ихъ стороны рѣзкое сужденіе или явное недовольство своимъ положеніемъ.

Эти полицейскія неистовства дѣйствовали на рабочую

массу двоякимъ образомъ: однихъ они запугивали, какъ бы временно оглушали, на другихъ же, уже пріученныхъ предшествовавшей борьбой, они оказывали лишь ожесточающее вліяніе, но и въ тѣхъ, и въ другихъ все больше и больше, подъ вліяніемъ этого полицейскаго воздѣйствія, открывались глаза на самую сущность общественныхъ отношеній, на роль власти въ ихъ борьбѣ и на собственную роль—роль рабочаго класса въ современномъ обществѣ.

Конечно, и теперь еще рабочій не отмежевался окончательно отъ другихъ классовъ общества и не научился противопоставлять себя самого, какъ цѣлое, классу капиталистовъ; онъ не научился еще видѣть въ правительствѣ лишь организацію классового господства надъ нимъ самимъ и надъ остальными угнетаемыми слоями народа, но вся исторія его борьбы ясно говоритъ, что русскій пролетаріатъ шелъ прямою дорогой въ дѣлѣ выработки своего классового самосознанія, въ дѣлѣ выработки основныхъ элементовъ соціально-демократическаго міросозерцанія.

Указывая выше на роль революціонной пропаганды въ рабочей средѣ, мы говорили о нѣкоторыхъ недостаткахъ этой пропаганды, именно объ отсутствіи въ ней элементовъ, которые помогали бы рабочимъ вырабатывать свое собственное классовое міросозерцаніе. Эти замѣчанія касались, однако, одной лишь пропаганды; дѣло агитаціи у тогдашнихъ революціонеровъ, надо имъ отдать справедливость, стояло гораздо выше по той простой причинѣ, что здѣсь революціонеры должны были плыть за общей волной стихійнаго движенія, подчиняясь его неумолимой логикѣ. Ихъ роль при этомъ, какъ людей съ большими знаніями, съ большимъ опытомъ, сводилась къ тому, чтобы, насколько возможно, координировать борьбу и ясно и понятно формулировать тѣ выводы, къ которымъ приводила эта борьба, и которые смутно сознавались и самими рабочими. То, что эту роль тогдашняя революціонная интеллигенція исполняла относительно хорошо, доказываетъ какъ довѣріе къ ней рабочей массы, постепенно возраставшее, такъ и быстрое восприниманіе ею выставляемыхъ лозунговъ. Правда, въ одномъ отношеніи недостатокъ сказывался и въ области агитаціи: революціонеры не стремились использовать всѣ факты вмѣшательства власти въ борьбу рабочихъ въ смыслѣ политической агитаціи и пропаганды опредѣленныхъ политическихъ требованій, но эта ошибка рево-

люціонеровъ была въ то время неизбѣжна, такъ какъ цѣликомъ покоилась на ихъ собственномъ народническомъ мировоззрѣніи, которое клеймило измѣной народному дѣлу всякое выставленіе требованій политической свободы.

Къ тому же то, что забывалось или не понималось самими руководителями борьбы, додѣлывала сама жизнь, толкая мысль рабочаго постоянно впередъ, на широкій просторъ, мимо того тупого переулка, въ которомъ завязла мысль революціонеровъ-народниковъ. Скоро сказались и результаты этого воздѣйствія самой жизни: рабочее движеніе въ лицѣ «Сѣвернаго Союза русскихъ рабочихъ» отмежевалось отъ движенія народнической интеллигенціи, а рабочая мысль далеко опередила мысль народническую, которая продолжала еще топтаться на одномъ мѣстѣ.

Вернемся, однако, къ стачкѣ. Неистовства полиціи, какъ мы уже указывали, коснулись главнымъ образомъ рабочихъ Новой бумагопрядильни и Шау. Но въ то время, какъ послѣднихъ они запугали и довольно быстро принудили сдаться, на рабочихъ первой фабрики они не произвели другого дѣйствія, кромѣ озлобленія.

Собравшись на другой день послѣ одного изъ первыхъ набѣговъ полицейскихъ опричниковъ, рабочіе этой фабрики приняли единогласно слѣдующее заявленіе [1]): «Мы, рабочіе съ Новой бумагопрядильни, симъ заявляемъ, что не пойдемъ на работу, пока не будутъ уважены всѣ наши заявленныя хозяину требованія.

«Что же касается полиціи, то мы отказываемся отъ всякаго вмѣшательства съ ея стороны для примиренія насъ съ хозяиномъ, пока не будутъ освобождены наши товарищи—люди, за которыми мы не знаемъ ничего худого. Если ихъ обвиняютъ въ чемъ-либо, пусть судятъ ихъ у мирового, причемъ мы всѣ будемъ свидѣтелями ихъ невинности.

«Теперь же ихъ арестовали и держатъ безъ суда и слѣдствія, что противно даже существующимъ законамъ».

Это свое заявленіе они намѣревались представить градоначальнику уже какъ требованіе; но не успѣли рабочіе пройти и половины пути къ дому градоначальника, какъ на нихъ набросилась конная жандармская свора и изрядно побила и измяла, показавъ наглядно, какъ отвѣчаетъ правительство на требованія рабочихъ.

---

[1]) «Земля и Воля» № 4 (1879 г.), стр. 8.

Между тѣмъ аресты и высылки продолжались своимъ чередомъ, а въ ночь послѣ побоища полиція особенно поусердствовала.

«Печально встрѣтили утро слѣдующаго дня рабочіе Новой бумагопрядильни.

«Въ нѣкоторыхъ квартирахъ не осталось ни одного жильца, и онѣ были заколочены, точно послѣ чумы. Въ другихъ—изъ 15 жильцовъ осталось всего 4—5 человѣкъ. Не было почти ни одной квартиры, гдѣ бы не былъ арестованъ хоть одинъ жилецъ.

«Къ этому прямому насилію присоединилось, такъ сказать, косвенное. Полиція ходила по мелочнымъ лавкамъ и запрещала купцамъ выдавать рабочимъ въ долгъ провизію... Квартирныхъ хозяевъ, у которыхъ рабочіе снимали свои артельныя помѣщенія, понуждали требовать уплаты старыхъ долговъ, чтобы этимъ принудить рабочихъ выйти на работу» [1]).

Словомъ, всѣ пружины полицейскаго воздѣйствія были пущены въ ходъ, чтобы сломить упорство рабочихъ; но добиться этого было не такъ-то легко: они продолжали стоять на своемъ, героически перенося всѣ лишенія; въ минуты наивысшаго напряженія этой борьбы вся среда бастующихъ представляла изъ себя дѣйствительно братьевъ, почти одинокихъ среди враждебныхъ имъ силъ, но готовыхъ братски дѣлиться послѣдней копейкой, послѣднимъ кускомъ хлѣба.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ многихъ картинъ, рисующихъ отношеніе рабочихъ къ нуждѣ товарища.

«Стоитъ толпа рабочихъ, человѣкъ въ 80—90. Толкуютъ о положеніи дѣлъ; сообщаютъ о новыхъ подвигахъ полиціи; принимаютъ тѣ или другія рѣшенія.

«— Послушайте, братья,—раздается изъ толпы голосъ,—я сегодня видалъ старика (называетъ имя); у него жена, ребятишки; вѣрите ли, купилъ онъ давеча утромъ на гривенникъ харча, а завтра что будетъ ѣсть—и самъ не знаетъ. Надо бы помочь!

«— Надо, надо!—соглашается толпа.

«— Эй, Ванюха! обходи народъ съ шапкой!

«Ванюха снимаетъ картузъ и обходитъ присутствующихъ. И тянется загрубѣвшая, мозолистая рука фабричнаго, и кидаетъ онъ въ шапку серебряныя и мѣдныя монеты, причемъ

---

[1]) Г. В. Плехановъ, Сочиненія, стр. 46.

положившій мало считаетъ долгомъ извиниться собственнымъ стѣсненнымъ положеніемъ.

«— Вотъ что, братья, я только 3 копейки кладу,—ну, ей-богу, самому ѣсть нечего.

«— Знаемъ, знаемъ,—отвѣчаютъ ему: — ты объ этомъ не говори, а кто что можетъ, то и клади!

«Въ шапкѣ оказывается нѣсколько рублей, которые и вручаются кому-нибудь изъ присутствующихъ для передачи по назначенію. Иногда тотъ, для кого дѣлаются такіе сборы, оказывается присутствующимъ въ толпѣ, и тогда деньги передаются ему непосредственно.

«— Спасибо вамъ, братцы!—кланяется тронутый рабочій,— дай вамъ Богъ...

«— Неначемъ, неначемъ! Мы должны помогать другъ дружкѣ; дѣло общее; мы тебѣ собрали отъ всего общества,— возражаютъ ему.

«— Пауки [1]) черезъ заборъ глядятъ,—раздаются тоненькіе голоса подручныхъ, выставленныхъ на развѣдки,—и толпа начинаетъ расходиться» [2]).

Рабочіе продержались еще около двухъ недѣль, но затѣмъ принуждены были сдаться, получивъ лишь самыя незначительныя уступки.

И, однако, несмотря на пораженіе, эта стачка имѣла огромное значеніе въ смыслѣ развитія рабочей солидарности и сознанія. Закаленный совмѣстной борьбой, пріучившись сообща сносить страданія и лишенія, русскій пролетаріатъ проникался сознаніемъ необходимости твердо стоять «каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго» и становился грознымъ для своихъ враговъ даже въ дни своего пораженія.

IV.

Рабочее движеніе на югѣ Россіи. «Южно-Русскій Рабочій Союзъ».

Рабочее движеніе не ограничивалось, конечно, однимъ Петербургомъ; но свѣдѣнія о немъ по остальной Россіи еще слишкомъ неполны и отрывочны.

---

[1]) Такъ прозвали рабочіе шпіоновъ.
[2]) «Земля и Воля» № 4 (1879 г.), стр. 9.

Самыми выдающимися фактами изъ этой области были: стачка рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ на Большомъ вокзалѣ въ Одессѣ въ 1877 г. и рабочія волненія въ Ростовѣ-на-Дону въ 1879 г.

Стачка въ Одессѣ была начата литейщиками изъ-за пониженія заработной платы. Она замѣчательна какъ своимъ упорствомъ, такъ и солидарностью всѣхъ остальныхъ литейщиковъ Одессы со стачечниками. Администрація мастерскихъ пыталась замѣнить забастовавшихъ рабочихъ другими съ частнаго завода, но туда «пришли литейщики-стачники; вышли тамошніе и побратались со стачниками»[1]).

Такъ же неудачна была и вторая попытка администраціи прекратить стачку, выписавъ рабочихъ изъ Херсона. Стачечники убѣдили пріѣхавшихъ отказаться отъ работы на вокзалѣ и постарались ихъ пристроить на другихъ заводахъ. Стачка продолжалась $3^1/_2$ недѣли, и за все это время ни одинъ одесскій литейщикъ не захотѣлъ пойти противъ своего же брата-рабочаго и ни одинъ не сталъ штрейкбрехеромъ.

Волненія въ Ростовѣ-на-Дону вылились въ форму бунта противъ полиціи. Накоплявшееся чувство протеста въ рабочихъ массахъ прорвалось по поводу ареста одного рабочаго, котораго по дорогѣ въ участокъ полицейскіе немилосердно избивали. Толпа рабочихъ, на глазахъ у которой происходило это избіеніе, дрогнула и, какъ одинъ человѣкъ, бросилась отбивать у полиціи арестованнаго. Годы гнета и безправія успѣли накопить много горючаго матеріала, и чувство протеста противъ своего подневольнаго положенія, разъ проснувшись, разлилось широкой волной по всему Ростову. Отбивъ арестованнаго, толпа, состоявшая почти исключительно изъ рабочихъ и продолжавшая все время прибывать, принялась штурмовать участки, эти современныя россійскія Бастиліи въ миніатюрѣ, и къ концу дня разгромила ихъ всѣ. Власти въ ужасѣ попрятались и бѣжали изъ города, и два дня весь Ростовъ находился въ рукахъ рабочихъ. Только на третій день прибывшія войска «водворили законный порядокъ».

Но эта стихійная вспышка не принесла, конечно, рабочимъ никакой реальной пользы,—она только показала имъ ихъ собственную грозную силу и такъ же быстро улеглась, какъ и началась.

---

[1]) «Община» (1878 г.), №№ 3—4, стр. 27.

На югѣ же были первыя попытки организовать рабочихъ въ союзы. Первый такой союзъ — «Южно-Русскій Рабочій Союзъ» — возникъ уже въ 1875 г.; въ немъ принимали участіе Е. О. Заславскій, итальянскій подданный М. И. Сквери, Янъ Рыбицкій, Ѳ. И. Кравченко, В. Я. Мрачковскій и др. «Союзъ» дѣйствовалъ главнымъ образомъ въ Одессѣ и Ростовѣ-на-Дону, но просуществовалъ недолго.

Къ сожалѣнію, эта страница изъ исторіи нашего рабочаго движенія еще мало освѣщена, и о ней трудно сказать что-нибудь опредѣленное; а между тѣмъ эта страница является, повидимому, и наиболѣе интересной, такъ какъ представляетъ первую по времени попытку созданія самостоятельной рабочей организаціи съ самостоятельной программой. По нѣкоторымъ указаніямъ, эта программа «Союза» и довольно обширная объяснительная записка къ ней были составлены П. Аксельродомъ и мало чѣмъ отличались отъ программъ западно-европейскихъ рабочихъ партій того времени.

Но сама программа намъ пока неизвѣстна, и лишь въ обвинительномъ актѣ по дѣлу «Южно-Русскаго Союза» приводится отрывокъ ея, по которому эта рабочая организація ставила своею цѣлью: а) пропаганду идеи освобожденія рабочихъ изъ-подъ гнета капитала и привилегированныхъ классовъ, б) объединеніе рабочихъ Южно-Россійскаго края и в) будущую борьбу съ установившимся экономическимъ и политическимъ порядкомъ [1]).

Въ 1880 г. подъ этимъ же именемъ въ Кіевѣ и Одессѣ возникъ новый союзъ, главными организаторами котораго были Е. Ковальская и Щедринъ. Но съ прежнимъ «Союзомъ» этотъ послѣдній не имѣлъ ничего общаго; его руководители были правовѣрными народниками и въ то же время являлись сторонниками экономическаго террора.

Рабочіе довольно охотно шли въ «Союзъ», особенно послѣ того, какъ угрозы его стали оказывать воздѣйствіе на фабрикантовъ и заставляли ихъ идти на уступки.

Пропаганда велась исключительно двумя названными выше лицами и характеромъ своимъ напоминала библейскія времена апостольской проповѣди. Обыкновенно поздно ночью гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Кіева собирались рабочіе; къ нимъ приходили Ковальская или Щедринъ и вели бесѣды на разныя

---

[1]) Базилевскій, «Госуд. прест. въ Россіи», т. II, стр. 421.

темы. Число затронутыхъ этой пропагандой рабочихъ было довольно значительно—достигало нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, но слабой стороной организаціи было то, что въ ней не было другихъ активныхъ членовъ, кромѣ самихъ Ковальской и Щедрина, а они находили почему-то нужнымъ держать свои связи съ рабочими въ строгомъ секретѣ отъ остальныхъ революціонеровъ; поэтому, когда оба они были арестованы, «Союзъ», лишенный руководителей и не успѣвшій выдѣлить на эту роль никого изъ своей среды, тотчасъ же распался.

Трудно сказать, что давала кіевскимъ рабочимъ эта пропаганда въ смыслѣ ихъ классового воспитанія. По всей вѣроятности, и здѣсь она страдала тѣми же недостатками, что и на сѣверѣ, и потому оказывала очень незначительное вліяніе на рабочую массу.

Такіе же революціонные кружки рабочихъ, болѣе или менѣе значительные, существовали во многихъ промышленныхъ городахъ, гдѣ только революціонная интеллигенція пыталась заводить связи съ рабочей средой. Послѣдняя всегда оказывалась отзывчивой къ пропагандѣ соціалистическихъ идей и достаточно революціонно настроенной. И какъ ни незначительны были результаты этой пропаганды вслѣдствіе ея внутреннихъ недостатковъ, мы не можемъ всетаки отрицать за нею той заслуги, что она первая будила мысль рабочаго и толкала его на борьбу и протестъ противъ его непосредственнаго гнета.

А въ борьбѣ чувства и мысль рабочаго должны были еще болѣе закаляться, и жизнь додѣлывала то, отъ чего уклонялась рука революціонера,—въ рабочемъ стихійно пробуждался пролетарій, сознающій свою кровную связь со своими братьями и готовый переносить страданія и лишенія ради общей пользы.

Особенно сильнымъ должно было быть воздѣйствіе жизни тамъ, гдѣ сама борьба была всего сильнѣе, т. е. на сѣверѣ,—и, дѣйствительно, тамъ она привела рабочихъ къ идеѣ самостоятельнаго рабочаго движенія и къ выработкѣ самостоятельной рабочей программы.

V.

«Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ».

Если мысль рабочей массы, усваивавшей первые уроки классовой борьбы, шла прямымъ путемъ къ выработкѣ яснаго

классового самосознанія, то на болѣе развитый, передовой слой петербургскаго пролетаріата эта борьба должна была производить еще болѣе могучее воздѣйствіе.

Напомнимъ здѣсь, что классовая борьба западно-европейскаго пролетаріата въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія была тѣмъ непосредственнымъ толчкомъ, который заставилъ представителей тогдашней революціонной мысли подвергнуть новому пересмотру всю прежнюю исторію человѣчества и, въ результатѣ этого пересмотра, привелъ эту мысль въ лицѣ Маркса и Энгельса къ усвоенію основныхъ началъ научнаго соціализма.

Такимъ же революціонизирующимъ образомъ должна была дѣйствовать эта борьба и на передовой слой русскаго пролетаріата. У представителей его существовало уже опредѣленное міропониманіе, выработанное отчасти благодаря собственнымъ усиліямъ, отчасти же благодаря воздѣйствію революціонной интеллигенціи, и оно въ общемъ мало чѣмъ отличалось отъ міропониманія этой послѣдней, т. е. было въ большинствѣ случаевъ народническимъ.

Народническое же міросозерцаніе складывалось въ эпоху непосредственно предшествующую и слѣдовавшую за отмѣной крѣпостного права, когда общественныя отношенія были до невозможности перепутаны, а хозяйственный бытъ страны только что начиналъ складываться на капиталистическій образецъ. Поэтому революціонная мысль того времени невольно должна была платить дань царившей путаницѣ и такъ же невольно отражала ее въ программахъ. Но капитализмъ въ Россіи, по сравненію съ другими странами, шелъ впередъ гигантскими шагами. Мы уже указывали на роль иностраннаго капитала, который переносилъ къ намъ промышленность въ ея наиболѣе совершенной формѣ, со всѣми новѣйшими усовершенствованіями и приспособленіями, съ тысячами рабочихъ, сосредоточенными на одной фабрикѣ, съ персоналомъ обученныхъ рабочихъ и мастеровъ. На-ряду съ другими факторами, этотъ расцвѣтъ промышленности велъ непосредственно все къ большему разслоенію пореформеннаго общества на классы и создавалъ на глазахъ у всѣхъ новый классъ фабричныхъ рабочихъ. Къ серединѣ семидесятыхъ годовъ этотъ новый общественный классъ уже въ достаточной степени выкристаллизовался изъ остальной аморфной массы, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ онъ почувствовалъ въ себѣ силы, чтобы высту-

пить на борьбу и попытаться добиться для себя сколько нибудь сносныхъ условій для существованія.

Этотъ новый фактъ не былъ, однако, учтенъ тогдашними революціонными программами; попытки учесть его, правда, были, но онѣ почти не коснулись программъ, а видоизмѣняли лишь тактику, т. е. способъ воздѣйствія на рабочихъ. Въ программахъ же народниковъ городской рабочій попрежнему не получалъ самостоятельной роли. А въ общественной жизни онъ началъ занимать съ каждымъ годомъ все большее значеніе, какъ самостоятельная грозная сила. Это несоотвѣтствіе между программой и жизнью не бросалось, конечно, рѣзко въ глаза, но оно уже и тогда нарастало. Человѣческая мысль на этотъ разъ, какъ это всегда бывало и прежде, нѣсколько отстала отъ развитія самой жизни.

Но тѣмъ не менѣе это противорѣчіе, продолжая существовать, смутно давало себя чувствовать. Программа говорила одно, а жизнь диктовала другое. Особенно фальшиво должно было быть положеніе сознательныхъ рабочихъ. Народническая программа рисовала передъ ними широкія перспективы крестьянской соціальной революціи и звала ихъ «въ народъ», т. е. въ деревню, но крестьянскій народъ спалъ и оставался по большей части глухъ къ ихъ призывамъ. Среди него городскіе рабочіе чувствовали себя чужими; они уже успѣли уйти далеко впередъ, и имъ порой было труднѣе подойти къ крестьянину и сблизиться съ нимъ, чѣмъ даже интеллигенту-революціонеру.

Они какъ-то инстинктивно держались за свою почву, такъ какъ успѣли уже сродниться съ жизнью города и его обстановкой. Да и «дѣла» для себя они видѣли больше здѣсь, чѣмъ въ деревнѣ; не могли не видѣть и того, что «работа» въ городѣ продуктивнѣй работы въ деревнѣ. А между тѣмъ вершителемъ судебъ родины былъ признанъ не городъ, а деревня; по программѣ народниковъ только деревня съ ея общиннымъ устройствомъ была готова къ соціалистическому строю, городъ же съ развивавшимся капиталистическимъ производствомъ и его продуктомъ—фабричнымъ пролетаріатомъ, т. е. въ томъ числѣ и ими самими, являлся лишь отрицательной величиной. Но на ихъ глазахъ пролетаріатъ, которому не было мѣста въ программѣ, началъ пробуждаться и научался говорить опредѣленнымъ языкомъ классовыхъ требованій. По мѣрѣ разрастанія этой борьбы должна была давать имъ чувствовать себя вся фальшь программы, и болѣе чуткіе и одарен-

ные изъ нихъ не могли въ душѣ не протестовать противъ такого самооплеванія. Сами—рабочіе, принимая самое энергичное участіе въ разгоравшейся борьбѣ своего класса, вкладывая въ нее всю душу, они инстинктивно чувствовали всю важность этой борьбы и не могли мириться съ отводимой имъ ролью.

Эти причины мы считаемъ главными и основными въ дѣлѣ созданія первой самостоятельной рабочей организаціи—«Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ». Все остальное могло играть лишь побочную роль, могло нѣсколько ускорить возникновеніе «Союза», помочь, такъ сказать, родамъ рабочей мысли, но не могло самостоятельно создать эту организацію, еслибы отсутствовала основная причина, т. е. несоотвѣтствіе между революціонной программой и практикой революціонной борьбы.

Къ этимъ побочнымъ причинамъ мы должны отнести знакомство отдѣльныхъ рабочихъ, успѣвшихъ побывать за границей, съ формами борьбы западно-европейскаго пролетаріата, затѣмъ пропаганду «лавристовъ», которые знакомили рабочихъ съ дѣятельностью нѣмецкой соціалъ-демократіи, и др.

Организація «Союза», началась, повидимому, еще въ 1877 г., послѣ двухъ описанныхъ нами выше рабочихъ демонстрацій, но окончательно сложился онъ только къ концу 1878 г. въ періодъ наивысшаго напряженія стачечной борьбы, когда только что закончилась стачка у Кенига и близились стачки на Новой бумагопрядильнѣ и у Шау.

На генеральныхъ собраніяхъ «Союза» 23-го и 30-го декабря 1878 г. былъ окончательно принятъ уставъ «Союза» и выработанная его программа, ясно и категорически заявлявшая, что «Союзъ» по своимъ задачамъ *тѣсно примыкаетъ къ соціально-демократической партіи Запада.*

Эта программа выставляла рядъ соціалистическихъ требованій, и въ этомъ отношеніи она мало чѣмъ отличалась отъ программы народниковъ. Но вслѣдъ за этими требованіями было и нѣчто, отличающее ее отъ послѣдней, а именно выставленіе опредѣленныхъ политическихъ требованій. Въ то время, какъ народники отрицали политическую борьбу, клеймили политическую свободу «буржуазной» свободой, находя, что ею русскій народъ не сумѣетъ воспользоваться, а воспользуется лишь одна буржуазія, чтобы еще болѣе закабалить экономически неимущіе классы,—рабочіе открыто заявили, что счи-

тают политическую свободу однимъ изъ самыхъ необходимыхъ средствъ для осуществленія соціальной эмансипаціи.

«Такъ какъ политическая свобода, — заявляли рабочіе,— обезпечиваетъ за каждымъ человѣкомъ самостоятельность его убѣжденій и дѣйствій, такъ какъ ею прежде всего обезпечивается рѣшеніе соціальнаго вопроса, то непосредственными требованіями Союза должны быть:

1) «Свобода слова, печати, право собраній и сходокъ».

2) «Уничтоженіе сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ».

3) «Уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ».

4) «Обязательное и безплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ».

5) «Уменьшеніе количества постоянныхъ войскъ или полная замѣна ихъ народнымъ вооруженіемъ».

6) «Право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ-то: размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправленія».

7) «Уничтоженіе паспортной системы и свобода передвиженія».

8) «Отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прямого, сообразно доходу и наслѣдству».

9) «Ограниченіе числа рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда».

10) «Учрежденіе производительныхъ ассоціацій, ссудныхъ кассъ и дарового кредита рабочимъ ассоціаціямъ и крестьянскимъ общинамъ».

Выставляя эти политическія требованія, организаторы «Сѣвернаго Союза» порывали съ программой народниковъ и сознательно ставили крестъ надъ ихъ утопическими надеждами на соціальную крестьянскую революцію.

Много недодуманнаго и еще незрѣлаго можно было бы найти въ этой первой рабочей программѣ; отъ нея еще далеко до научнаго пониманія проблемъ соціализма, но не надо забывать, что это была *первая* попытка рабочей мысли опредѣлить самое себя, и надо помнить, какой огромный шагъ впередъ представляла она въ сравненіи съ программами тогдашней революціонной интеллигенціи.

Эта программа дѣлаетъ первую попытку соединить борьбу за соціалистическое будущее съ борьбой за политическую эмансипацію. Необходимость такого соединенія рабочіе чув-

ствовали всѣми фибрами своей души, такъ какъ понимали, что только при политической свободѣ они смогутъ изъ разрозненныхъ и безсильныхъ стать могучей организованной силой; только пользуясь правомъ собраній и сходокъ, они смогутъ создать настоящіе союзы; только при свободѣ слова и печати могутъ они повести, какъ слѣдуетъ, агитацію.

Для нихъ необходимость борьбы за политическую свободу вытекала изъ ихъ собственнаго положенія въ современномъ обществѣ и уровня сознательности рабочаго класса, которую они правильно считали достаточной, чтобы воспользоваться плодами своей побѣды.

Могли ли заимствовать рабочіе эти требованія у революціонной интеллигенціи? Конечно, могли, но только раньше они должны были сами придти къ сознанію ихъ необходимости. Затѣмъ—у кого они могли ихъ заимствовать? Одинъ изъ основателей «Союза»—Викторъ Обнорскій—довольно долго жилъ за границей и былъ близокъ къ группѣ, издававшей революціонную газету «Набатъ». Сторонники этой газеты также настаивали на необходимости политической борьбы, но только понимали они ее нѣсколько своеобразно. Говоря о политической борьбѣ, они имѣли въ виду захватъ заговорщиками политической власти и, въ доказательство возможности и успѣха такого заговора, указывали на безсиліе русскаго правительства. А рабочіе «Сѣвернаго Союза», выставляя въ своемъ воззваніи-программѣ политическія требованія, обращались къ своимъ товарищамъ, т. е. къ рабочему классу, съ призывомъ направить свою борьбу, т. е. борьбу классовую, на осуществленіе этихъ требованій, указывая, что достиженіе ихъ послужитъ могучимъ толчкомъ и для полной экономической эмансипаціи, т. е. для торжества соціализма.

Нѣтъ, очевидно, не въ газетѣ «Набатъ» могли вычитать рабочіе смыслъ политическихъ требованій. Еще менѣе могли помочь имъ въ этомъ ортодоксальные народники того времени, которые чурались, какъ чорта, политической борьбы и готовы были ненавидѣть политическую свободу, такъ какъ она могла разстроить ихъ планы на народное возстаніе.

Гораздо болѣе вѣроятнымъ могло быть вліяніе на основателей «Сѣвернаго Союза» программъ западно-европейскихъ рабочихъ партій, но намъ кажется, что сама программа этого «Союза» не подтверждаетъ такого предположенія. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ политическими программами Запада, программа «Союза» должна была бы быть болѣе детализиро-

ванной, между тѣмъ какъ она сохранила на себѣ отпечатокъ не вполнѣ созрѣвшей политической мысли; въ ней, на-ряду съ требованіемъ политическихъ правъ для народа, свалены въ одну кучу и мѣры по охранѣ труда; сама политическая свобода, т. е. право на свободу слова и печати, собраній и сходокъ, признается чѣмъ-то самодовлѣющимъ, а не вытекающимъ изъ идеи народовластія. Словомъ, въ эту программу попало только то, до чего въ данный моментъ доросла мысль рабочаго, и необходимость чего она сама научилась понимать.

На эту мнимую зависимость программы «Союза» отъ западно-европейскихъ программъ указывали многіе, и первыми поспѣшили сдѣлать это сами народники. Имъ, какъ учителямъ, должно было быть особенно обиднымъ такое отношеніе «учениковъ» къ ихъ собственной программѣ, которое ставило ихъ въ смѣшное положеніе курицы, высидѣвшей утятъ.

Отпечатавъ по просьбѣ рабочихъ ихъ новую программу, они тотчасъ же поспѣшили предостеречь ихъ отъ опаснаго «смѣшенія программъ разныхъ соціалистическихъ партій». «Отрицаніе государства и требованіе коммунальной автономіи,—говорится далѣе въ статьѣ, спеціально посвященной «Союзу»,—зачисляетъ нашихъ товарищей въ лагерь соціалистовъ-революціонеровъ, каковыми мы и желали бы видѣть членовъ «Сѣвернаго Союза», — а послѣдующіе параграфы программы прямо взяты изъ катехизиса нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ» [1]).

На этотъ упрекъ «Союзъ» отвѣтилъ письмомъ въ редакцію «Земли и Воли», въ которомъ, не касаясь вопроса, откуда была заимствована политическая часть программы, отстаивалъ всю необходимость этихъ требованій для рабочаго класса въ борьбѣ за свое освобожденіе; онъ указывалъ своимъ оппонентамъ-народникамъ, что какъ ни близко и дорого ему самому скорѣйшее освобожденіе отъ гнета соціальнаго, но онъ принужденъ считаться съ опытомъ исторіи человѣчества, который ясно указываетъ, что всюду политическая свобода предшествуетъ установленію соціальнаго равенства.

«Мы сплачиваемся, организуемся, беремъ близкое нашему сердцу знамя соціальнаго переворота и вступаемъ на путь борьбы, — писали рабочіе. — Но мы знаемъ также, что политическая свобода можетъ гарантировать насъ и нашу организацію отъ произвола властей, дозволитъ намъ правильнѣе

---

[1]) «Земля и Воля» (1879 г.), № 4.

развить свое міровоззрѣніе и успѣшнѣе вести дѣло пропаганды,—и вотъ мы, ради сбереженія своихъ силъ и скорѣйшаго успѣха, требуемъ этой свободы, требуемъ отмѣны разныхъ стѣснительныхъ «положеній» и «уложеній» [1]).

Стремясь отстоять свою программу отъ нападокъ интеллигенціи, рабочіе въ то же время старались вообще обособить свою организацію отъ интеллигентныхъ группъ.

По уставу «Союза», членомъ его могъ быть только рабочій; они хотѣли имѣть *свою* программу, *свою* газету, *свою типографію*, *свою*, наконецъ, библіотеку. Что касается газеты, то такое желаніе объяснялось прежде всего тѣмъ, что ихъ не могли удовлетворять существовавшія въ то время революціонныя изданія, и имъ, естественно, хотѣлось создать такой органъ, который бы сталъ могучимъ агитаціоннымъ средствомъ воздѣйствія на рабочія массы.

Но, помимо этого, вполнѣ естественнаго желанія, рабочими, несомнѣнно, руководило здѣсь и другое чувство. Указывая нѣсколько раньше, какимъ путемъ должны были они придти къ выработкѣ самостоятельной программы, мы говорили, что первымъ толчкомъ въ этомъ направленіи должно было служить то смутное, обидчивое чувство протеста, которое вызывалъ въ нихъ конфликтъ между программой и жизнью.

Позднѣе, разобравшись въ себѣ самихъ, рабочіе ясно формулировали свое расхожденіе съ тогдашней интеллигенціей, но прежнее смутное чувство, изъ котораго возникло это расхожденіе, должно было остаться и сказывалось въ ихъ отношеніи къ интеллигенціи, порождая стремленіе быть во всемъ самостоятельными.

На практикѣ «Союзу» было трудно обойтись безъ помощи интеллигенціи, и все-таки приходилось къ ней прибѣгать, и надо сказать, къ чести тогдашней интеллигенціи, что она никогда не отказывала ему въ своей помощи.

Планы у участниковъ «Сѣвернаго Союза» были самые обширные. «Союзъ» предполагалъ раскинуть сѣть своей организаціи по всей Россіи, объединивъ всѣхъ сознательныхъ рабочихъ въ самостоятельную рабочую партію, на подобіе таковыхъ въ Западной Европѣ; предполагалось, какъ мы уже упоминали, имѣть свою тайную типографію, въ которой печаталась бы рабочая газета, редактируемая и составляемая са-

---

[1]) «Земля и Воля» (1879 г.), № 5, стр. 10.

мими рабочими. Предполагалось также завести библіотеку и развить усиленную агитацію и пропаганду въ рабочей средѣ. Наконецъ, «Союзъ» не думалъ уклоняться и отъ организаціи политическихъ выступленій. Отдѣльные члены его носились даже съ мыслями о подготовленіи единовременной всеобщей стачки, о возможной поддержкѣ борющемуся студенчеству. Но на первое время приходилось ограничиваться болѣе скромными задачами. Была собрана недурная библіотека, книги изъ которой широко расходились по всему рабочему Петербургу. Много силъ отнимала стачечная борьба, въ которой всѣ члены «Союза» принимали самое энергичное участіе.

«Союзу» удалось также поставить свою собственную типографію и даже приступить къ изданію газеты «Заря Рабочаго», но первый номеръ ея былъ арестованъ вмѣстѣ съ типографіей «Союза» тотчасъ по отпечатаніи въ концѣ февраля 1880 г. и почти цѣликомъ попалъ въ лапы жандармовъ.

Во главѣ «Союза» стоялъ «Центральный Комитетъ», выбираемый самими рабочими; число членовъ его было довольно велико, и это обстоятельство дѣлало его тяжеловѣсной организаціей, мало приспособленной къ русскимъ политическимъ условіямъ. Практика скоро указала на эти недостатки, и тогда, помимо «Центральнаго Комитета», за которымъ попрежнему было оставлено общее руководящее значеніе, былъ организованъ еще особый «Распорядительный Комитетъ», которому разрѣшалось дѣйствовать самостоятельно въ случаяхъ, не терпящихъ промедленія.

Дѣятельность «Союза» тормозилась еще и тѣмъ, что ему никакъ не удавалось прочно укрѣпиться. Усиливавшееся революціонное движеніе, учащавшіеся террористическіе акты приводили, въ свою очередь, къ усиленному бѣлому террору правительства, и это обстоятельство отражалось очень печально на дѣятельности «Союза». Хватая повсюду всякаго подозрительнаго человѣка, полиція не церемонилась, конечно, и съ рабочими, входящими въ составъ «Союза». Ряды его членовъ рѣдѣли, и ему снова и снова приходилось тратить много энергіи, чтобы залечить полученныя раны. А эти раны были особенно чувствительны благодаря тому, что агентамъ полиціи удалось проникнуть въ составъ членовъ «Союза». Это были супруги Рейнштейнъ. Имъ удалось узнать и выдать полиціи многихъ членовъ «Союза», въ томъ числѣ и Виктора Обнорскаго, одного изъ главныхъ организаторовъ его, и эта потеря

была тѣмъ чувствительнѣе, что другой его организаторъ и «душа» «Союза»—Степанъ Халтуринъ, прежде относившійся отрицательно къ террористической борьбѣ интеллигенціи и считавшій этотъ способъ борьбы несвойственнымъ рабочему классу, теперь самъ ушелъ въ терроръ, надѣясь однимъ могучимъ ударомъ свалить деспотизмъ и добиться политической свободы, а съ ней вмѣстѣ и простора для пролетарской борьбы.

Благодаря этому, дѣятельность «Союза» должна была сузиться,—онъ захирѣлъ и скоро совсѣмъ погибъ. Въ рядахъ интеллигенціи онъ почти не встрѣтилъ поддержки, а рабочій классъ хотя и встрѣтилъ сочувственно его появленіе, но не былъ еще достаточно сознательнымъ, чтобы продолжать его дѣло, когда пали его передовые бойцы. Знамя самостоятельнаго рабочаго движенія, поднятое «Сѣвернымъ Союзомъ», было подхвачено уже послѣ его фактической смерти кружкомъ заграничной интеллигенціи—«Группой Освобожденія Труда». Усиліями этой группы былъ совершенъ дальнѣйшій, въ высшей степени важный шагъ въ дѣлѣ выработки и обоснованія соціалъ-демократической программы. Эта программа стала научной, опирающейся на основныя положенія научнаго соціализма.

«Сѣверный Союзъ» погибъ, но отдѣльные его члены, разбросанные по всему пространству Россіи, продолжали свое дѣло; имъ не удалось, правда, создать прочныхъ рабочихъ организацій, но ихъ пропаганда продолжала будить мысль рабочаго; то же дѣлало и экономическое развитіе Россіи, которое скоро привело ее къ новому кризису, снова обострило отношеніе рабочихъ къ классу предпринимателей и снова толкнуло на борьбу. Тогда сказались результаты всей прежней работы, и въ томъ числѣ «Союза» и его отдѣльныхъ членовъ. Рабочій классъ поднялся на борьбу уже болѣе сознательнымъ, повелъ эту борьбу попрежнему энергично и солидарно и уже въ 80-ые годы заставилъ правительство пойти на уступки и законодательнымъ путемъ удовлетворить по крайней мѣрѣ часть выставленныхъ имъ требованій.

VI.

Степанъ Халтуринъ.

Среди рабочихъ, принимавшихъ участіе въ революціонной борьбѣ въ 70-ые годы, центральной фигурой является сто-

ляръ Степанъ Халтуринъ, организаторъ «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ».

Всю свою неутомимую энергію и недюжинный умъ отдалъ Степанъ дѣлу освобожденія рабочаго класса, стремясь придать борьбѣ рабочихъ самостоятельный характеръ. Онъ много сдѣлалъ для русскаго рабочаго класса, и его имя по праву занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія.

Родился Степанъ въ Вяткѣ, въ бѣдной мѣщанской семьѣ, посѣщалъ въ дѣтствѣ школу, а потомъ былъ отданъ въ обученіе къ столяру. Попавъ въ Петербургъ, онъ здѣсь очень скоро столкнулся съ революціонерами и въ 1875 г. уже велъ дѣятельную агитацію въ рабочей средѣ, принимая энергичное участіе во всѣхъ выступленіяхъ рабочихъ.

Вотъ какими чертами характеризуетъ его Г. В. Плехановъ, близко знавшій его по работѣ:

«Онъ былъ изъ тѣхъ людей, наружность которыхъ не даетъ даже приблизительно-вѣрнаго понятія объ ихъ характерѣ. Молодой, высокій и стройный, съ хорошимъ цвѣтомъ лица и выразительными глазами, онъ производилъ впечатлѣніе очень красиваго парня; но этимъ дѣло и ограничивалось. Ни о силѣ характера, ни о выдающемся умѣ не говорила эта привлекательная, но довольно заурядная наружность. Въ его манерахъ прежде всего бросалась въ глаза какая-то застѣнчивость и почти женственная мягкость. Говоря съ вами, онъ какъ будто и конфузился, и боялся обидѣть васъ не кстати сказаннымъ словомъ, рѣзко выраженнымъ мнѣніемъ. Съ его губъ не сходила нѣсколько смущенная улыбка, которою онъ какъ бы заранѣе хотѣлъ сказать вамъ: «я такъ думаю, но если это вамъ не нравится, то прошу извинить...» [1]).

«Халтуринъ отличался большою начитанностью. Это вызывало невольное уваженіе къ нему, но и эта черта не могла особенно удивить человѣка, знавшаго заводскихъ рабочихъ: страстные любители чтенія вовсе не были рѣдкостью между ними. При ближайшемъ знакомствѣ оказывалось, однако, что и читалъ Степанъ такъ, какъ умѣютъ читать только немногіе. Онъ всегда зналъ, зачѣмъ именно раскрывалъ такую-то книгу. Къ тому же *мысль* постоянно шла у него рука объ руку съ *дѣломъ*. У него, напримѣръ, вовсе не было того интереса къ

[1]) «Русскій рабочій въ рев. движеніи», стр. 54.

естественнымъ наукамъ, который замѣчается у многихъ рабочихъ. Все вниманіе его было поглощено общественными вопросами, и всѣ эти вопросы, какъ радіусы изъ центра, исходили изъ одного коренного вопроса о задачахъ и нуждахъ нарождавшагося русскаго рабочаго движенія. О чемъ бы онъ ни читалъ, — объ англійскихъ ли рабочихъ союзахъ, о великой ли революціи, или о современномъ соціалистическомъ движеніи,—эти нужды и задачи никогда не уходили изъ его поля зрѣнія. По тому, что читалъ Халтуринъ въ данное время, можно было судить о томъ, какіе планы шевелятся въ его головѣ. Еще задолго до организаціи «Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза» онъ принялся изучать европейскія конституціи.

«—Что это вы на нихъ набросились?—спрашивали его.

«—Да что же, вѣдь это интересно,—отвѣчалъ онъ.

«Программа «Союза» лучше него объяснила, почему онъ набросился на конституціи: онъ обдумывалъ политическую программу русскихъ рабочихъ» [1]).

Характеризуя соціально-политическіе взгляды Халтурина, тотъ же авторъ указываетъ, что онъ былъ, въ сравненіи съ тогдашними землевольцами, крайнимъ западникомъ: «Умъ его до такой степени исключительно поглощенъ былъ рабочимъ вопросомъ, что ему едва ли когда случалось заинтересоваться пресловутыми «устоями» крестьянской жизни. Онъ знакомился съ интеллигентами, слушалъ ихъ толки объ общинѣ, о расколѣ, о «народныхъ идеалахъ», но народническое ученіе такъ и осталось для него чѣмъ-то почти совсѣмъ чуждымъ».

На міросозерцаніе Халтурина наложило отпечатокъ его первоначальное знакомство съ лавристами, которые въ своихъ занятіяхъ съ рабочими знакомили ихъ съ рабочимъ движеніемъ на Западѣ и съ дѣятельностью германской соціалъ-демократіи. Кромѣ того, двое изъ близкихъ товарищей Степана сами жили подолгу за границей, познакомились съ рабочимъ движеніемъ и вывезли оттуда стремленіе работать и въ Россіи на этомъ же поприщѣ. Но это были только случайныя явленія, которыя помогли Халтурину довольно быстро, безъ лишнихъ блужданій, стать на вѣрную дорогу. Главная же причина, обусловившая его міросозерцаніе, лежала, конечно, въ общихъ условіяхъ жизни рабочаго класса. Его ясный умъ, привычка внимательно относиться ко всякому, даже самому

---

[1]) «Русскій рабочій въ рев. движеніи», стр. 55—56.

мелкому вопросу, наконецъ детальное знакомство съ положеніемъ рабочихъ — все это гарантировало для Степана правильность его выводовъ, и къ нимъ онъ рано или поздно пришелъ бы безъ всякой посторонней помощи.

Отличаясь самъ удивительной трудоспособностью, онъ не умѣлъ попусту тратить время, избѣгая безцѣльныхъ, безконечныхъ собесѣдованій, на которыя такъ падко было тогдашнее студенчество и вообще «интеллигентная» публика; у него у самого, какъ у рабочаго, все свободное время было на учетѣ, и онъ рѣдко тратилъ его попусту. Особенно не любилъ онъ душевныхъ изліяній, и потому сойтись съ нимъ можно было только на дѣлѣ. Но побесѣдовать на какую нибудь теоретическую тему онъ иногда былъ не прочь, но и тогда высказывался очень мало самъ, предпочитая слушать и лишь вставлять время отъ времени свои всегда дѣльныя замѣчанія.

Авторитета своихъ знакомыхъ изъ интеллигенціи онъ не признавалъ, предпочитая собственными усиліями доходить до всего. Только въ практическихъ дѣлахъ онъ не могъ обойтись безъ ихъ помощи, когда нужны были квартиры, нелегальная литература или нелегальный паспортъ.

Не довѣрялъ онъ и радикализму интеллигенціи; въ особенности проглядывало это въ отношеніи его къ студенчеству. «Знаю, молъ, я цѣну вашему радикализму,—говорили тогда его глаза:—пока учитесь—всѣ вы страшные революціонеры, а кончите курсъ, да получите мѣстечки—и какъ рукой сниметъ ваше революціонное настроеніе».

Совершенно инымъ было его отношеніе къ рабочимъ: «подшучивать надъ ними онъ не позволялъ ни себѣ и никому другому, въ особенности «интеллигенціи». Какъ огонь вспыхивалъ онъ, когда «интеллигентъ» дѣлалъ при немъ какой нибудь не совсѣмъ лестный отзывъ о рабочихъ. Въ рабочихъ видѣлъ онъ самыхъ надежныхъ, прирожденныхъ революціонеровъ и ухаживалъ за ними, какъ заботливая нянька: училъ, доставалъ книги, «опредѣлялъ къ мѣстамъ», мирилъ ссорившихся, журилъ виноватыхъ».

Зато онъ и пользовался всеобщей любовью рабочихъ и большимъ вліяніемъ на нихъ, тайна котораго заключалась «въ неутомимомъ вниманіи его ко всякому дѣлу. Еще задолго до сходки онъ переговоритъ со всѣми, ознакомится съ общимъ настроеніемъ, обдумаетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и потому, естественно, оказывается наилучше подготовленнымъ...

*

Степанъ ни къ чему не могъ относиться невнимательно. Не было такой ничтожной практической задачи, рѣшеніе которой онъ беззаботно предоставилъ бы другимъ. Онъ приходилъ на собраніе съ совершенно установившимся взглядомъ на подлежащій обсужденію вопросъ. Потому-то съ нимъ и соглашались» [1]).

Рабочее движеніе поглощало его цѣликомъ. Результатомъ его дѣятельности былъ «Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ», имѣвшій такой успѣхъ среди рабочихъ Петербурга и Москвы. Ревниво оберегая рабочихъ отъ «попечительности» интеллигенціи, Халтуринъ настоялъ, чтобы въ этотъ союзъ могли входить только рабочіе.

Такъ же ревниво защищалъ онъ и программу «Союза» отъ нападокъ интеллигенціи, которая упрекала организаторовъ «Союза» за ихъ пристрастіе къ политической борьбѣ и забвеніе интересовъ крестьянства. Въ приводимыхъ ниже строкахъ отвѣта рабочихъ на эти упреки живо чувствуется рука Халтурина.

«Мы вѣримъ, что наша программа дѣйствительно должна была вызвать порицанія именно этой стороной, но только мы, со своей стороны, ничего въ ней нелогичнаго не видимъ. Вѣдь, собственно говоря, если мы разбираемъ какое либо сужденіе, то намъ нужно обратить вниманіе только на то, есть ли въ немъ логика, а не на то, изъ чьихъ мыслей и словъ это сужденіе. Между тѣмъ многіе, какъ видно, именно и обращаютъ свое вниманіе только на послѣднее и посему въ своихъ замѣчаніяхъ доходили до того, что требованіе политической свободы нами, рабочими, считали просто нелѣпымъ и не вяжущимся съ вопросомъ объ удовлетвореніи желудка» [2]).

Упрекнувъ своихъ идейныхъ противниковъ въ поверхностности ихъ критики, авторъ отвѣта не прочь и самъ прочитать имъ нотацію: «Вотъ здѣсь-то,—продолжаетъ онъ,—признаться, мы и не видимъ никакой логики, ничего, кромѣ недомыслія. Вѣдь высказать подобныя соображенія — значитъ прямо отказывать намъ даже въ малѣйшемъ пониманіи окружающихъ явленій, значитъ прямо глумиться надъ нашими мозгами и приписывать разрѣшеніе соціальнаго вопроса однимъ только желудкамъ. Боимся, чтобы при такомъ узкомъ разрѣ-

---

[1]) «Русскій рабочій въ рев. движеніи», стр. 55.
[2]) «Земля и Воля», № 5 (1879 г.), стр. 10.

шеніи мы не пожрали другъ друга... Развѣ мы сами не знаемъ, что лучше быть сытымъ и мечтать о свободѣ, чѣмъ, сидя на пищѣ св. Антонія, добиваться свободы. Но что же дѣлать, если логика желаній и помысловъ уступаетъ передъ нелогичностью исторіи и если политическая свобода является прежде соціальнаго удовлетворенія» [1]).

Мы не знаемъ доподлинно, кто былъ авторомъ приведенныхъ строкъ: Халтуринъ или кто другой, или авторъ ихъ былъ коллективный—весь центральный комитетъ «Союза», рука Халтурина, какъ сказали мы, чувствуется въ этомъ «отвѣтѣ» сильно. Это ему принадлежитъ негодованіе на стремленіе сузить знамя рабочей борьбы до однихъ велѣній желудка и представить рабочихъ въ образѣ «Сысоекъ», умѣющихъ хорошо лущить древесную кору, но отрицающихъ необходимость политической свободы. Ему же принадлежатъ и тѣ мѣста отвѣта, въ которыхъ авторы его отказываются спорить о томъ, собственная ли у нихъ программа, или у кого нибудь заимствованная, такъ какъ такой споръ — «дѣло пустое», а приглашаютъ народниковъ перейти на почву «логики» окружающихъ ихъ явленій рабочей жизни. Здѣсь они чувствуютъ себя неуязвимыми, какъ былъ неуязвимъ и самъ Халтуринъ.

Когда въ практикѣ «Союза» чувствовались какія либо прорѣхи, первымъ на нихъ обращалъ вниманіе и стремился ихъ исправить самъ Халтуринъ. Такъ, напримѣръ, ему принадлежитъ мысль создать въ «Союзѣ», помимо центральнаго комитета, который по своему устройству былъ учрежденіемъ малоподвижнымъ при тогдашнихъ полицейскихъ условіяхъ и не могъ часто собираться,—создать еще особый распорядительный комитетъ, въ составъ котораго входило бы всего нѣсколько человѣкъ, и ихъ въ случаѣ нужды всегда легко было бы собрать. На необходимость такого нововведенія Степана натолкнули тѣ препятствія, которыя онъ самъ встрѣтилъ, когда началась стачка на Новой бумагопрядильнѣ: необходимо было тотчасъ же принять необходимыя рѣшенія, а до очереднаго собранія «Центральнаго Комитета» оставалось еще два дня; нельзя было и оповѣстить всѣхъ членовъ комитета о перемѣнѣ дня собранія, такъ какъ жили они по разнымъ концамъ Петербурга, многіе даже за городомъ, и на такое оповѣщеніе ушло бы так-

---

[1]) «Земля и Воля», № 5 (1879 г.), стр. 10.

же не менѣе двухъ дней. Тутъ-то и зародилась у Халтурина мысль создать болѣе приспособленный распорядительный органъ.

Насчетъ самого «Союза» у Халтурина были самые широкіе планы. Не думая ограничиваться Петербургомъ и Москвой, онъ мечталъ раскинуть сѣть своей организаціи по всей Россіи и создать такимъ образомъ «единую и стройную всероссійскую рабочую организацію». Кое-какіе шаги въ этомъ направленіи дѣлалъ и самъ Халтуринъ. Такъ, напримѣръ, еще лѣтомъ 1878 г. онъ направился въ Поволжьѣ, переходя тамъ съ завода на заводъ и стремясь завязать тѣсныя сношенія съ поволжскими рабочими. Но многаго ему не удалось сдѣлать во время этого путешествія, такъ какъ скоро товарищи убѣдили его вернуться въ Петербургъ. Онъ не переставалъ, однако, надѣяться, что осуществить эти мечты можно будетъ довольно скоро, и въ разговорахъ на эту тему всегда спокойный Халтуринъ вдругъ прорывался и умѣлъ говорить горячо и увлекательно, заражая своимъ пыломъ и другихъ.

«Когда онъ заговаривалъ о ней (о всероссійской рабочей организаціи),—напоминаетъ Г. В. Плехановъ,—собесѣднику, подъ вліяніемъ его горячей вѣры, невольно начинало казаться, что препятствія уже устранены, связи всюду заведены, организація существуетъ и остается только работать для ея дальнѣйшаго развитія» [1]).

Но осуществить эту идею ему все-таки не удалось, какъ не удалось осуществить и многихъ другихъ плановъ,—онъ всегда въ своихъ мечтахъ далеко опереживалъ развитіе русскаго рабочаго движенія. Одно время онъ упорно носился съ мыслью подготовить въ Петербургѣ всеобщую стачку. Его не смутило ни то, что у «Союза» все-таки было мало для этого связей въ рабочей средѣ, ни то, что не было даже порядочныхъ свѣдѣній о численности петербургскаго пролетаріата и условіяхъ его жизни. Со своей обычной энергіей принялся онъ заводить новыя знакомства въ рабочей средѣ, собирая по пути нужныя свѣдѣнія. Кромѣ того, онъ самъ составилъ опросные листки, требуя отъ своихъ знакомыхъ рабочихъ точныхъ отвѣтовъ на всѣ вопросные пункты. Благодаря этому, въ его рукахъ скоро собралось множество данныхъ, и онъ даже хвалился, что «ему удастся точно высчитать всѣ расходы

[1]) «Русскій рабочій въ рев. движеніи», стр. 57.

и всѣ доходы хозяевъ и такимъ образомъ опредѣлить степень эксплоатаціи работниковъ».

Всеобщей стачки создать ему, конечно, не удалось, такъ какъ рабочій классъ въ то время не дорось еще до такихъ пріемовъ борьбы, и въ его нѣдрахъ такіе «Степаны» были лишь единичными исключеніями, но своей дѣятельностью онъ во многихъ мѣстахъ дѣйствовалъ возбуждающе и расшевеливалъ рабочихъ.

Другой завѣтной мечтой его было созданіе популярнаго чисто агитаціоннаго органа для рабочей массы. Умѣя самостоятельно разбираться въ запутанныхъ программныхъ вопросахъ, онъ въ то же время не забывалъ, что рабочей массѣ нужна иная литература. Литература же, издававшаяся въ то время революціонной интеллигенціей для народа, казалась ему мало подходящей. Еще менѣе удовлетворяла его періодическая революціонная печать.

«Нѣтъ, не для насъ этотъ журналъ, — нашъ журналъ долженъ вестись совсѣмъ иначе»,—часто говорилъ онъ, обращаясь къ редактору издававшейся тогда въ Петербургѣ «Земли и Воли» Г. В. Плеханову.

Когда «Сѣверный Союзъ» наконецъ сложился, эта мечта приняла болѣе практическое направленіе. «Союзу» удалось поставить свою собственную типографію и приступить къ изданію журнала.

Редакторомъ единогласно былъ выбранъ Степанъ Халтуринъ. Провалъ типографіи, послѣдовавшій почти тотчасъ же по отпечатаніи перваго номера, погубилъ все дѣло, на которое Степаномъ было потрачено столько энергіи, и въ которое онъ вкладывалъ столько самыхъ радужныхъ надеждъ.

Такіе провалы въ «Союзѣ» были довольно часты, и такъ какъ они обыкновенно случались послѣ каждаго удачно выполненнаго террористическаго покушенія на кого-либо изъ правительственныхъ агентовъ, то Халтуринъ и былъ склоненъ винить за такія неудачи интеллигенцію.

«Чистая бѣда,—говорилъ онъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ:—только-только наладится у насъ дѣло,—хлопъ!—шарахнула кого-нибудь интеллигенція—и опять провалы. Хоть немного бы дали вы намъ укрѣпиться!»

А между тѣмъ «интеллигенція» вовсе не думала ждать. Ея борьба съ каждымъ днемъ принимала все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ систематическихъ нападеній на ца-

ризмъ, которыя, въ свою очередь, усиливали и бѣлый терроръ жандармеріи. Вмѣстѣ съ этимъ, эта же борьба родила мысль, что съ паденіемъ царя рухнетъ и весь приказный строй и наступитъ эра свободы. Такъ началъ думать и Халтуринъ.

«Смерть Александра II,—говорилъ онъ,—принесетъ съ собою политическую свободу, а при политической свободѣ рабочее движеніе пойдетъ у насъ не попрежнему. Тогда у насъ будутъ не такіе союзы; съ рабочими же газетами не нужно будетъ прятаться» [1]).

И такъ-какъ у него слово никогда не расходилось съ дѣломъ, то онъ и рѣшилъ не упускать подвернувшагося случая: одному изъ членовъ «Союза» было предложено мѣсто столяра въ Зимнемъ дворцѣ, и Степанъ поспѣшилъ занять это мѣсто, считая, что политическая свобода, столь необходимая, по его мнѣнію, для рабочихъ, должна быть добыта руками рабочаго. Онъ говорилъ: «Александръ II долженъ быть убитъ рабочимъ: пусть не думаютъ русскіе цари, что рабочіе—болваны, не понимающіе ихъ истиннаго значенія для народа» [2]).

Поступивъ во дворецъ въ концѣ 1879 года Халтуринъ первое время былъ почти исключительно занятъ развѣдками въ этомъ новомъ для него мірѣ. Но затѣмъ, быстро ознакомившись со своимъ положеніемъ, принялся систематически подготовлять выполненіе задуманнаго плана.

Еще до поступленія во дворецъ онъ сблизился съ народовольцами и предложилъ «Исполнительному Комитету» этой партіи свои услуги и почти уже выработанный планъ дѣйствій. Планъ его былъ принятъ; сноситься съ нимъ во время пребыванія во дворцѣ было поручено сперва Квятковскому, а потомъ Желябову. Со словъ послѣдняго и по разсказамъ самого Халтурина его пребываніе въ Зимнемъ дворцѣ было описано въ «Календарѣ Народной Воли» на 1883 г., откуда мы и заимствуемъ описаніе этого періода жизни Степана.

Съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ, открыто глядя въ глаза смерти, шелъ онъ во дворецъ въ надеждѣ, что его самоотверженная работа принесетъ рабочимъ избавленіе отъ политическаго и экономическаго гнета.

«Царь въ это время проживалъ еще въ Ливадіи, и во дворцѣ по этому случаю все было свободно, безъ стѣсненій, безъ при-

---

[1]) «Русскій рабочій въ рев. движеніи», стр. 60.
[2]) «Календарь Народной Воли» на 1883 г., стр. 41.

смотра. Нравы и обычаи новыхъ сотоварищей поражали Халтурина... Распущенность прислуги и страшное повальное воровство сверху донизу превосходили всякое вѣроятіе... Въ то время, какъ съ парадныхъ подъѣздовъ не было доступа во дворецъ самымъ высокопоставленнымъ лицамъ, черные ходы, во всякое время дня и ночи, были открыты для всякаго трактирнаго знакомца самаго послѣдняго дворцоваго служителя. Нерѣдко посѣтители оставались и ночевать во дворцѣ, такъ какъ остаться тамъ было безопаснѣе, чѣмъ идти поздно ночью домой по улицамъ, на которыхъ усердствовала полиція Гурко. Воровство дворцоваго имущества оказалось настолько всеобщимъ, что даже Халтуринъ принужденъ былъ ходить воровать съѣстные припасы, чтобы не показаться подозрительнымъ...

«Халтуринъ, поступившій во дворецъ съ фальшивымъ паспортомъ и въ конторѣ числившійся крестьяниномъ Олонецкой губерніи, старался разыграть роль простака. Онъ всему удивлялся, обо всемъ разспрашивалъ. Его учили придворнымъ порядкамъ, какъ говорить, какъ отвѣчать, какъ себя держать. Надъ его неуклюжими манерами, надъ его притворной привычкой чесать за ухомъ потѣшалось все «полированное» лакейство... Неотесанному мужику всякій старался пустить пыль въ глаза»...[1])

Скоро изъ множества разсказовъ Халтуринъ хорошо познакомился съ жизнью царскаго семейства во время его пребыванія во дворцѣ, а также успѣлъ изучить и расположеніе комнатъ въ самомъ дворцѣ. Оказалось, что тотъ подвалъ, въ которомъ помѣщались столяры, находится какъ разъ подъ царской столовой. Это обстоятельство значительно упрощало все дѣло, но, съ другой стороны, какъ разъ въ то время, когда Халтуринъ думалъ уже приняться за минированіе дворца, послѣдовалъ арестъ Квятковскаго, у котораго нашли планъ Зимняго дворца, а на немъ царская столовая была помѣчена крестомъ.

«Это обстоятельство,—говоритъ авторъ тѣхъ же воспоминаній о Халтуринѣ,—подвергало страшному риску все дѣло, а Халтурина въ частности поставило въ истинно-каторжное положеніе. Планъ дворца, захваченный въ такой квартирѣ, заставляетъ встрепенуться дворцовую полицію. Начались строгости. Но хуже всего подѣйствовалъ крестъ въ столовой. Что

---

[1]) «Календарь Нар. Воли», стр. 41.

онъ означаетъ? Полиція государственная и дворцовая ломали себѣ голову и хотя въ точности не могли разобрать дѣла, но не могли не почуять какой-то опасности.

«Всѣ покои, прилегающіе къ столовой, сверху, снизу и съ боковъ подверглись осмотру и самому тщательному надзору. Дворцовая полиція была усилена. Въ подвалѣ, гдѣ жили столяры, поселился жандармъ. Полковникъ, завѣдующій дворцовой полиціей, ввелъ систему внезапныхъ обысковъ, дневныхъ и ночныхъ. Халтуринъ, который успѣлъ перенести на себѣ нѣкоторое количество динамита, въ первый разъ былъ страшно встревоженъ обыскомъ. Ночью, когда уже всѣ спали, двери подвальнаго помѣщенія вдругъ отворяются. Полковникъ въ сопровожденіи жандармовъ быстро входитъ. Звукъ шпоръ, бряцаніе сабель, наконецъ приказаніе полковника встать—разбудили столяровъ. Халтуринъ считалъ себя погибшимъ. Не зная еще о систематическихъ обыскахъ, только что введенныхъ, онъ, конечно, могъ отнести ночное посѣщеніе только на свой счетъ. А у него лежалъ подъ подушкой динамитъ... Однако, дѣло обошлось благополучно. Порывшись слегка въ вещахъ рабочихъ, заглянувши въ разные углы, охранители царскаго жилища съ такимъ же громомъ, звономъ и сверканіемъ удалились для обыска другихъ помѣщеній, а Халтуринъ только тутъ повѣрилъ, что онъ еще не провалился. Съ тѣхъ поръ обыски въ разное время стали повторяться все чаще... Вообще свободный входъ и выходъ всякой прислуги чрезвычайно стѣснили. Всѣ живущіе во дворцѣ обязаны были постоянно имѣть при себѣ свой значокъ, отлучки контролировались, возвращавшіеся обыскивались. Посѣщенія постороннихъ стали невозможны» [1]).

Благодаря всѣмъ этимъ предосторожностямъ, предпринятымъ дворцовой полиціей, положеніе Халтурина во дворцѣ значительно ухудшилось, а выполненіе задуманнаго имъ взрыва до чрезвычайности было затруднено. Необходимый для взрыва динамитъ ему приходилось переносить на себѣ и притомъ только небольшими кусочками, такъ какъ иначе каждый разъ грозила опасность провалиться при обыскѣ. Приходилось поэтому пускаться на всевозможныя хитрости, всякій разъ мѣнять способы переноски, чтобы обмануть бдительность осмотрщиковъ и, если можно, избѣжать обыска. Къ тому же и вы-

[1]) «Календарь Нар. Воли», стр. 43—44.

ходить часто изъ дворца было довольно рискованно, такъ какъ отлучки контролировались и могли обратить на себя вниманіе. Поэтому накопленіе динамита подвигалось впередъ очень медленно, несмотря на то, что Желябовъ, который въ это время сталъ посредникомъ междуХалтуринымъ и «Исполнительнымъ Комитетомъ», усиленно торопилъ дѣло минированія дворца.

Пока динамиту было сравнительно немного, Халтуринъ держалъ его у себя подъ подушкой, считая это мѣсто наиболѣе безопаснымъ и не смотря на всѣ мученія, которыя доставлялъ ему испаряющійся и сильно ядовитый нитроглицеринъ: его испаренія расшатывали всю нервную систему и вызывали страшныя головныя боли, которыхъ ничѣмъ нельзя было облегчить.

Когда же динамиту стало больше и держать его подъ подушкой стало уже неудобно, Халтуринъ сложилъ его въ свой сундучокъ и сверху прикрылъ ворохомъ вещей. Этотъ же сундукъ долженъ былъ играть и роль мины, такъ какъ нечего было и думать, при воцарившихся строгостяхъ, заложить мину въ самую стѣну. Рѣшено было только, что въ рѣшительную минуту онъ долженъ придвинуть свой сундукъ ближе къ углу, между двумя капитальными стѣнами, чтобы вѣрнѣе ударъ достигъ верхнихъ этажей и обрушилъ столовую. Для воспламененія мины ему были переданы трубки съ составомъ, который могъ бы горѣть и при отсутствіи притока воздуха, разсчитанныя на промежутокъ времени, достаточный для того, чтобы самому Халтурину удалось благополучно выбраться изъ дворца.

Къ концу января 1880 г. запасъ динамита въ сундукѣ достигъ уже трехъ пудовъ. Желябовъ настаивалъ на томъ, чтобы немедленно приступить къ взрыву, но Халтуринъ упрямился и говорилъ, что надо еще увеличить запасъ динамита, чтобы ударъ такимъ образомъ былъ бы болѣе разрушительнымъ.

Но ему, однако, пришлось уступить, такъ какъ строгости во дворцѣ все увеличивались, каждая новая отсрочка грозила рискомъ провала, да къ тому же стали поговаривать, что для столяровъ отведутъ другое помѣщеніе. Халтуринъ рѣшилъ дѣйствовать. Для удачи дѣла требовалось совпаденіе слѣдующихъ обстоятельствъ: «Нужно, чтобы царь находился въ столовой, а Халтуринъ—въ подвалѣ безъ всякого надзора. Въ столовой царь обѣдалъ ежедневно, хотя съ нѣкоторыми колебаніями во времени,—такъ на полчаса раньше или позже. Что касается столяровъ и жандарма, то ихъ отсутствіе зависѣло отчасти отъ распредѣленія дежурства на работѣ, отчасти же отъ простой слу-

чайности. Совпаденіе всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій происходило, однако, не такъ часто, и когда, въ началѣ февраля, Халтуринъ долженъ былъ «дѣйствовать», то нѣсколько дней испытывалъ постоянныя неудачи. Онъ въ это время каждый день послѣ времени предполагаемаго взрыва долженъ былъ видѣться съ Желябовымъ, чтобы сообщать объ исходѣ... Они встрѣчались на площади, въ темнотѣ, не всегда здороваясь. Халтуринъ, мрачный и злой, проходилъ быстро мимо, произнося нервнымъ шопотомъ, «нельзя было»... «ничего не вышло» Эти отвѣты Желябовъ слышалъ нѣсколько дней подрядъ. Наконецъ, 5-го февраля, Халтуринъ, замѣчательно спокойный, поздоровался съ нимъ и, словно фразу самаго обычнаго разговора, произнесъ: «готово!» [1]). Черезъ секунду страшный грохотъ подтвердилъ его слова. Мину взорвало. Огни во дворцѣ потухли. Черная Адмиралтейская площадь стала какъ будто еще темнѣе. Но что скрывалось за этой темнотой тамъ—на другомъ концѣ площади? Ни Желябовъ, ни Халтуринъ не могли ждать разъясненій»... [2]) Они быстро удалились въ приготовленную для Халтурина квартиру. Спокойный и сдержанный до послѣдней минуты, Халтуринъ здѣсь не могъ, однако, совладать со своими разбитыми и измученными постояннымъ напряженіемъ нервами; усталый и больной, онъ едва держался на ногахъ и только справился, достаточно ли въ квартирѣ оружія: «Живой я не отдамся!» Его успокоили: квартира была защищена динамитными бомбами.

Какую удивительную выдержку долженъ былъ обнаружить этотъ человѣкъ во все время пребыванія въ Зимнемъ дворцѣ, чтобы не выдать самого себя какой-нибудь случайной фальшью, и какъ блестяще выполнялъ онъ тамъ свою роль, говорятъ слѣдующія строки.

«Постоянно слѣдя за собой и за всѣмъ окружающимъ, ему нужно было въ то же время тщательно скрывать свое напряженное душевное состояніе, казаться беззаботнымъ. Между тѣмъ Халтуринъ—отъ природы человѣкъ крайне нервный и впечатлительный. Чахотка, которая у него развивалась все больше, еще усиливала эту нервность, не говоря

---

[1]) Все это передано со словъ Желябова, который былъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, просто восхищенъ самообладаніемъ Халтурина. (Прим. автора ст. «Халтуринъ и Зимн. дв.»).

[2]) «Кал. Нар. Воли», стр. 47—48.

уже о томъ, что самое положеніе, безпрерывная опасность, безпрерывная хитрость, безпрерывный переходъ отъ тревоги къ надеждѣ, — все это страшно раздражало нервы. Нужно было постоянное напряженіе всѣхъ силъ воли для того, чтобы не выдавать своего волненія и всей внутренней борьбы душевной. Во что обходилась Халтурину эта игра, про то знаетъ только онъ одинъ. Но въ концѣ концовъ онъ выдержалъ роль превосходно. Подозрительность носилась въ дворцовомъ воздухѣ, всеобщая мнительность готова была привязаться къ малѣйшему обстоятельству; но Халтурина никто всетаки не заподозрилъ. Даже жандармъ, поселенный въ одной комнатѣ со столярами, почувствовалъ къ Халтурину особую симпатію и все обучалъ его «благородному обхожденію». «Ну чего ты руки въ затылокъ тычешь,—выговаривалъ онъ.—Съ тобой господинъ полковникъ говорятъ, а ты руку въ затылокъ. Эхъ, ты, деревня! Нужно, братецъ ты мой, по-благородному»... Жандармъ, впрочемъ, имѣлъ свои виды: онъ помышлялъ о приличной партіи для своей дочери и остановилъ свой выборъ на молодомъ столярѣ. Халтуринъ со своей стороны не отказывался прямо, хотя и не особенно поощрялъ намеки старика. Вообще же эта неожиданная исторія сослужила ему хорошую службу. Впрочемъ, Халтурина и безъ того никто не заподозривалъ. Попрежнему ему поручались работы въ царскихъ комнатахъ. Дѣлалось это, конечно, въ отсутствіи царя, но однажды случилось, что царь возвратился не въ срокъ, Халтурина не успѣли вывести—и Александръ II неожиданно столкнулся со своимъ врагомъ. Это былъ единственный случай встрѣчи ихъ за все время, но онъ всетаки показалъ Халтурину, какъ далеки во дворцѣ отъ всякихъ подозрѣній относительно его. А между тѣмъ разговоры о соціалистахъ (ихъ такъ и называли тамъ) шли между полиціей и прислугой постоянно. Жандармы часто напоминали рабочимъ о злоумышленникахъ, о планѣ, найденномъ у Квятковскаго, и внушали, что нужно смотрѣть въ оба, что крестъ стоялъ на планѣ не даромъ и во дворцѣ навѣрное гдѣ-нибудь кроется измѣна. Эти рѣчи возбуждали всеобщую подозрительность, хотя, надо сказать, соціалисты рисовались нижнимъ этажамъ дворца въ довольно фантастическомъ свѣтѣ.

« — Вотъ хотѣлось бы взглянуть на кого-нибудь изъ нихъ! — говоритъ, напримѣръ, одинъ служитель:—хоть бы встрѣтить на улицѣ что ли!

«— Да вѣдь какъ же ты его узнаешь,—возражаетъ Халтуринъ:—развѣ на немъ написано?!

«— Не узнаешь? Эхъ, ты, деревня! Его сейчасъ видно. Онъ, братъ, идетъ,—такъ сторонись. Того гляди, пырнетъ. Ничего не боится, глядитъ высоко; видъ у него отчаянный... Его, братъ, сразу признаешь!

«По такимъ примѣтамъ, разумѣется, не легко было узнать Халтурина, и онъ продолжалъ свое дѣло, при общемъ довѣріи, получивши даже къ празднику (на Рождество) 100 руб. награды» [1]).

Когда стали извѣстны результаты взрыва, на Халтурина они подѣйствовали самымъ угнетающимъ образомъ. Онъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, что вся затраченная имъ энергія не дала ожидаемыхъ результатовъ, и не могъ никакъ простить Желябову его поспѣшности, которую онъ и считалъ главной причиной неудачи. Только разсказы о громадномъ впечатлѣніи, какое произвелъ на всю Россію взрывъ 5-го февраля, нѣсколько его утѣшали. Вскорѣ послѣ взрыва, оправившись отъ болѣзни, онъ поспѣшилъ уѣхать изъ Петербурга. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1881 г. онъ уже былъ въ Москвѣ, и принялъ дѣятельное участіе въ организаціи «Народовольческой Рабочей Группы». Къ тому времени народовольцы, подъ вліяніемъ правительственныхъ репрессій въ Петербургѣ, рѣшили перенести въ Москву изданіе своей «Рабочей Газеты». Было рѣшено возложить всю главную работу по составленію статей и подготовкѣ номера на особую комиссію изъ трехъ лицъ подъ ближайшимъ руководствомъ Халтурина. Но и на этотъ разъ не суждено было исполниться его завѣтной мечтѣ. Въ изданіи газеты произошли заминки, а вскорѣ и онъ самъ долженъ былъ покинуть Москву и перебрался на югъ въ Одессу. Здѣсь онъ пробылъ около года и занимался пропагандой среди рабочихъ. Работа шла успѣшно; какъ прекрасный организаторъ, Степанъ снова чувствовалъ себя въ своей сферѣ, несмотря на продолжавшую развиваться чахотку.

Но гнетъ правительственнаго бѣлаго террора и здѣсь сталъ скоро помѣхой въ работѣ. Особенно сильно мѣшалъ дѣятельности Степана прокуроръ Стрѣльниковъ, назначенный Александромъ III производить дознанія и слѣдствія по политическимъ дѣламъ на всемъ югѣ Россіи. Облеченный обшир-

---

[1]) «Кал. Нар. Воли», стр. 45—46.

ными, чисто диктаторскими полномочіями, онъ своею дѣятельностью наводилъ ужасъ на весь югъ.

Халтуринъ обратился къ «Исполнительному Комитету Народной Воли», и тотъ «поручилъ ему самому организовать убійство всесильнаго и ненавистнаго всѣмъ прокурора».

18-го марта 1882 г. Халтуринъ привелъ въ исполненіе это порученіе вмѣстѣ съ товарищемъ Желваковымъ.

Стрѣльникова убилъ Желваковъ, а Халтуринъ долженъ былъ поджидать его въ пролеткѣ, чтобы помочь бѣжать. Выполнить этотъ планъ, однако, не удалось: не успѣлъ еще Желваковъ добѣжать до пролетки, какъ ужъ возлѣ нея образовалась толпа, привлеченная необычнымъ видомъ мчавшагося во весь опоръ вооруженнаго человѣка, и для Халтурина стало яснымъ, что его товарищу ни за что не пробиться къ пролеткѣ.

Тогда, быстро соскочивъ съ нея и выхвативъ револьверъ, онъ поспѣшилъ на помощь товарищу, но на первыхъ же шагахъ споткнулся.

«Еврей, приказчикъ изъ угольнаго склада, околоточный надзиратель и нѣсколько карантинныхъ рабочихъ бросились его задерживать.

« — Оставьте! Я—соціалистъ! я—за васъ!—крикнулъ Халтуринъ. Рабочіе инстинктивно остановились.

« — Чтобъ ты такъ жилъ, какъ ты за насъ!—отвѣчалъ приказчикъ, здоровенный негодяй, вмѣстѣ съ околоточнымъ всею тяжестью навалившійся на Халтурина.

« — Конечно, не за такихъ мерзавцевъ, какъ ты, а за рабочій несчастный народъ!—проговорилъ Степанъ, съ трудомъ переводя дыханіе» [1]).

Не откладывая въ долгій ящикъ, на слѣдующій же день организовали судъ, невиданный и неслыханный дотолѣ даже и въ Россіи. Никому не было заранѣе извѣстно ни время, ни мѣсто суда. На самый судъ никто, конечно, не былъ допущенъ.

Обоихъ обвиняемыхъ судъ приговорилъ къ повѣшенію, но не такъ-то легко оказалось найти даже среди уголовныхъ арестантовъ человѣка, который согласился бы стать палачомъ въ этомъ гнусномъ дѣлѣ.

Въ тюрьмѣ самый фактъ убійства «былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ, а арестованные вызвали живѣйшее сочувствіе... Поэтому предложеніе повѣсить, за извѣстное воз-

[1]) «На родинѣ», № 3 (1883 г.), стр. 55.

награжденіе, убійцъ Стрѣльникова было встрѣчено арестантами рѣшительнымъ отказомъ. Нѣкоторые выражали его въ самой рѣзкой формѣ:

— «Да не сойти мнѣ съ этого мѣста, подохнуть совсѣмъ, если я ихъ хоть на эстолько трону.

— «Скорѣй всѣхъ генераловъ передушу, чѣмъ ихъ хоть мизинцемъ трону! — слышалось въ отвѣтъ на позорное предложеніе» [1]).

Но наконецъ одинъ изъ арестантовъ, соблазненный обѣщаніемъ льготъ и подарковъ, согласился повѣсить Халтурина и Желвакова съ помощью тюремнаго доктора.

Въ ночь на 22-ое марта, на разсвѣтѣ, была совершена надъ ними казнь.

Халтуринъ долго мучился, прежде чѣмъ былъ окончательно задушенъ, хотя, измученный болѣзнью и непрерывными допросами, онъ былъ до того слабъ, что его должны были поддерживать, когда взводили на эшафотъ.

Даже сами палачи, присутствовавшіе при исполненіи казни, не могли вынести его мученій, не могли видѣть его судорогъ: одному изъ нихъ сдѣлалось дурно, другіе просто отвернулись...

Такъ погибъ Халтуринъ... Но вмѣстѣ съ нимъ не погибло то дѣло, которому онъ такъ беззавѣтно служилъ и за которое заплатилъ своею жизнью.

Его умъ и его инстинктивное чувство подсказывали ему правильный путь въ борьбѣ за соціалистическое будущее. Вспоминая теперь о немъ, объ этомъ неутомимомъ борцѣ за рабочее дѣло, объ его планахъ и думахъ, ясно видишь, какъ вѣрно угадывалъ онъ дальнѣйшія судьбы движенія, какъ далеко ушелъ самъ впередъ отъ уровня общаго состоянія рабочаго класса въ то время, надѣясь увлечь его за собой.

Только въ наше время сбываются наконецъ многія изъ надеждъ Степана, для достиженія которыхъ пожертвовалъ онъ собственной жизнью, и близится тотъ моментъ, когда имя его, переплетаясь съ побѣдною пѣснью пролетаріата,

«станетъ священно милльонамъ людей».

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

[1]) «На родинѣ», № 3 (1883 г.), стр. 58.

Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.

Вышли изъ печати №№ 1-й—9-й еженедѣльнаго изданія „Темы Жизни“.

СОДЕРЖАНІЕ:

№ 1. **А. Луначарскій.** Очеркъ развитія интернаціонала . . . . 10 к.
В. Тотоміанцъ. Профессіональные союзы рабочихъ . . . 5 к.
А. Ельницкій. Георгій Валентиновичъ Плехановъ. Біограф. очеркъ. . . . . 7 к.
№ 2 **І. Ларскій.** Общество будущаго . . . . . 6 к.
А. Лосицкій. Избирательная система Государственной Думы. Съ діаграммами. . . . . 12 к.
№ 3. **Б. Веселовскій.** Земскіе либералы . . . . . 5 к.
Л. Клейнбортъ. Въ тюрьмѣ и ссылкѣ . . . . . 7 к.
Н. Ашешовъ. Александръ Николаевичъ Радищевъ. Общественная характеристика . . . . . 8 к.
№ 4. **Л. Гуревичъ.** 9-е января. По даннымъ „анкетной комиссіи“. 10 к.
П. Румянцевъ. Освободительное движеніе и Государственная Дума . . . . . 6 к.
П. Берлинъ. Первый нѣмецкій парламентъ . . . . . 10 к.
№ 5. **П. Масловъ.** Русская революція и народное хозяйство . . 5 к.
Б. Веселовскій. Крестьянскіе бунты . . . . . 6 к.
М. Боголѣповъ. Война и финансы . . . . . 5 к.
№ 6. **Д. Зайцевъ.** Государственное страхованіе рабочихъ . . . 8 к.
Б. Вологдинъ. Чему жизнь рабочихъ учитъ . . . . . 6 к.
А. Ельницкій. Первое мая въ Россіи. . . . . 8 к.
№ 7. **В. Львовъ.** Девяностые годы и творчество В. Вересаева. 12 к.
І. Давыдовъ. Какъ расходуются народныя деньги . . . 5 к.
К. Пономаревъ. Пролетаріатъ на Кавказѣ. . . . . 7 к.
№ 8. **П. Румянцевъ.** Крестьянство и соціалъ-демократія . . . 5 к.
А. Глѣбовъ. Общественныя работы . . . . . 12 к.
№ 9. **А. Ельницкій.** Первые шаги рабочаго движенія въ Россіи . 12 к.
№ 10. **М. Боголѣповъ.** 9 милліардовъ рублей! . . . . . 5 к.

Цѣна 12 коп.

Подписная цѣна на ежен. изд. „**Темы Жизни**“ въ годъ 5 рублей, на полгода 3 рубля. Каждый выпускъ продается отдѣльно.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 54. Книгоиздательство **О. Н. Поповой**.

Редакторъ **Л. Клейнбортъ**.
Издательница **О. Н. Попова**.

Типографія т-ва „Обществ. Польза“, Б. Подъяч., 39.